

ЧЁРНЫЕ ВДОВЫ

**ВЛАДИМИР
ВОЛКОВИЧ**

18+

Владимир Волкович

Чёрные вдовы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51337485

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07518-4

Аннотация

Молодые девушки, от природы наделённые красотой, умом, талантом, могли бы принести гордость и славу своей родине, но этого не произошло. Они использовали данную от природы необыкновенную способность привлекать мужчин, влюблять их в себя, лишь для того, чтобы добиваться с своей цели. Одна заставляла мужчин кончать жизнь самоубийством ради получения их состояний, другая сама убивала, нисколько не задумываясь, и стала, в конечном итоге, профессиональным киллером. И даже от любви они получали частенько нетрадиционное физическое наслаждение. Эти женщины остались в истории.

Содержание

От автора	4
Часть первая. Femme fatale[2]	5
Глава первая. Дерзкое убийство	5
Глава вторая. Предки	9
Глава третья. Безоблачное детство	18
Глава четвёртая. В институте	23
Глава пятая. Замужество	27
Глава шестая. Тарновские	41
Глава седьмая. Первые опыты	45
Глава восьмая. Свободная жизнь	55
Глава девятая. Любовник Павел Голицын	65
Глава десятая. Боржевский	73
Часть вторая. Развязка	95
Глава первая. Барон Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн	96
Глава вторая. Суд над Василием Тарновским	109
Глава третья. Знакомство с адвокатом Прилуковым	122
Глава четвёртая. Комаровский	149
Глава пятая. Комаровский – новый жених	162
Конец ознакомительного фрагмента.	168

От автора

Основные события, описанные в этой книге, происходили в реальности, герои имеют своих прототипов и даже многие носят их имена и фамилии. Но художественная ткань романа позволила автору обрисовать образы, очертить характеры и личности героев, воссоздать атмосферу того времени, в которое они жили, и объяснить подоплеку их часто неординарных поступков.

Эти женщины остались в истории, но не как пример для подражания, а как пример греха и порока. И лишь в конце жизни каждая из них, по-своему, пыталась вернуться на праведный путь.

Чёрная вдова – смертельно опасный вид пауков. На чёрных особях расположены отличительные красные пятна в виде песочных часов. Паучата вылупляются через 2–4 недели, и, как и их мать, являются каннибалами. Находясь в коконе, они употребляют друг друга в пищу. У мужчины, укушенного пауком, развивается приапизм¹.

¹ Приапизм – Название происходит от имени древнегреческого бога плодородия Приапа, половой член которого всегда пребывал в эрегированном состоянии.

Часть первая. Femme fatale²

Боги мои! Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонёк?

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Красота и возжелание женщины вызывают свинство лишь в психике тех мужчин, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного.

Иван Ефремов

Глава первая. Дерзкое убийство

Погожий сентябрь выдался в том году в Венеции. Таинственно и призывно посверкивала вода в каналах под лучами мягкого осеннего солнца. Старинные дома, переходящие один в другой, словно обнялись, заключив зеркальную гладь в свои объятия. В это раннее утро в городе было мало тури-

² Femme Fatale (фр.) – роковая женщина, которая манипулирует мужчинами. Обычно брюнетка с глубоким взглядом темных глаз. Часто с трагической судьбой и роковыми тайнами. Неодолимо соблазнительная, двуличная и ненасытная в постели, она всегда не та, за кого выдаёт себя вначале. Мужчине трудно противостоять чарам роковой женщины, которая влечёт его помимо воли; зачастую это влечение приводит к гибели. Она бросает вызов обществу своей независимостью, умом и находчивостью.

стов, желающих окунуться в божественную атмосферу прекрасного города, даже «рабочие лошадки» – гондолы, слегка покачивались на привязи, ожидая седоков.

В обычный венецианский дом в самом центре квартала Сан-Марко позвонил молодой человек в сером пальто и надвинутой на глаза коричневой шляпе. Долго никто не открывал, наконец женский голос за дверью спросил:

– Кто там?

– Я хотел бы увидеть графа Комаровского.

Горничная открыла дверь, провела гостя в большую залу:

– Подождите здесь, граф сейчас выйдет.

Вскоре появился заспанный мужчина. Увидев посетителя, он запахнул халат и, жмуря глаза, проговорил:

– Николай, это ты? Какими судьбами? Я рад видеть тебя!

Он приблизился к гостю и раскинул руки для объятий.

Молодой человек неторопливо достал из кармана револьвер и четырежды выстрелил в графа.

Комаровский, пытаясь зажать рукою раны, проговорил:

– За что? Что я вам сделал?

– Теперь вы не женитесь на Тарновской.

Услышав выстрелы, в залу вбежала горничная. Она увидела лежащего на полу в луже крови Комаровского и сидящего подле него молодого человека. Тело его сотрясилось рыданиями, из глаз текли слёзы.

Вскоре зала наполнилась другими слугами. Молодой человек, как будто опомнившись, вскочил и выбежал вон.

Пока вызвали полицию и санитарную гондолу, пока довели в больницу, граф потерял много крови. Однако раны признали не смертельными, и раненый оставался всё время в полном сознании.

– Вот ещё одна телеграмма, умоляю вас, отправьте поскорее! – просил медсестру.

– Вы уже оправили две, но ответа до сих пор нет.

– Но она же получила их и должна приехать, обязательно приехать...

Медсестра печально качала головой:

– Конечно, она должна приехать. – И добавляла: – Если пожелает.

– Принесите перо и бумагу, – попросил граф, – и пригласите, пожалуйста, нотариуса, хочу составить завещание.

– Конечно, воля ваша, – ответил врач, – но вы не должны думать о плохом. Мы сейчас сделаем вам операцию, вытащим пули, и вы сразу пойдёте на поправку.

– И всё-таки я настаиваю...

Вскоре прибыл нотариус и написал завещание:

«Настоящим подтверждаю то, что было написано мною в прежнем завещании: распоряжаюсь определить после моей смерти выплату графине Марии Николаевне Тарновской:

1. Страхового полиса на 50 000 франков, составленного на её имя.

2. Движимое и недвижимое имущество.

3. Всё принадлежащее мне состояние.

Особо прошу браслет и письма Марии Николаевны положить ко мне во гроб».

Операция прошла успешно, пули были извлечены, состояние раненого осталось удовлетворительным. Прибывший следователь, несмотря на протест врача, целый день до самого вечера допрашивал слабого ещё после операции графа. На другой день состоялся консилиум докторов для обсуждения плана лечения. Было предложено промыть желудок, затронутый пулей.

В тот же день во время промывания началось сильное кровотечение. Не очень расторопная медицинская сестра пыталась остановить его, но безуспешно. Прибежавший врач обнаружил, что пациент без сознания. Спасти его не смогли, граф Комаровский скончался.

Глава вторая. Предки

Древний и могучий ирландский род О'Рурк происходил от вождя племени кельтов. В XI веке Артур О'Рурк стал королём части Ирландии. Земельные владения этого рода простирались на сотни километров. Представители О'Рурков были одними из самых богатых и могущественных землевладельцев Ирландии.

В 1641 году вспыхнуло восстание против англичан. Начиналось он бунтом представителей католической общины Ирландии против конфискации земель и попытками присоединения страны к Англии. Наряду с католическим духовенством восстание против протестантской Англии возглавляли и члены рода О'Рурк. Восставшие создали собственное государство – Ирландская католическая конфедерация. Власти конфедерации через два года заключили союз с королём Англии Карлом I, предав интересы населения.

Этим воспользовался лорд-протектор Англии Оливер Кромвель. В августе 1649 года войска под его предводительством высадились в Ирландии и произвели полную земельную конфискацию. Во время битвы на Бойне 1690 года Брайан О'Рурк смело сражался с англичанами, но якобиты потерпели поражение. Спасаясь от репрессий, крупные землевладельцы О'Рурк бежали во Францию.

– Ваше величество, у вас просит аудиенции граф Джон

О'Рурк.

Французский король Людовик XV небрежно развалился в кресле и бросил дворецкому:

– Проси.

В распахнутую дверь вошёл энергичный человек лет тридцати, сняв шляпу, поклонился и произнёс:

– Доброе утро, ваше величество!

– Да, да. – Король взглянул в окно, где вовсю светило полдневное солнце, и, прикрыв рот ладонью, зевнул.

Вчера ему привели такое юное и прелестное создание, что король еле дождался момента, чтобы помчаться в «Олений парк», где в одной из спален ждала его пятнадцатилетняя девушка. Вообще этот дворец был построен официальной фавориткой маркизой де Помпадур специально для свежих девушек, которые только и интересовали любвеобильного короля.

– Так в чём состоит ваша просьба? Если вам необходимы средства на государственный проект, то я должен сразу сказать, что не смогу удовлетворить её.

– Нет, ваше величество. Мои предки приехали во Францию сто лет назад и хорошо служили королям. Я – внук ирландского короля Брайана. Сейчас мы желаем поехать в Россию. Мне известно, что у вас хорошие отношения с императрицей Елизаветой, поэтому осмелюсь попросить лишь рекомендательное письмо к ней.

Король, который никогда не решал государственных во-

просов, а всё своё время проводил лишь в пирах и любовных увеселениях, досадливо поморщился, как будто ему на лоб села муха.

– Подождите.

Людовик взял звонок, и мелодичные звуки нарушили тишину залы. Прошло довольно много времени, так что пришлось позвонить ещё раз, прежде чем в проёме скрытой двери показалась красивая, со вкусом одетая женщина. Она кивнула посетителю и спросила:

– Звали, ваше величество?

– Да. Вот реши тут с просьбой, а мне надо подготовиться к вечернему выходу.

– Слушаю вас, – повернулась маркиза к Джону.

Джон О'Рурк повторил ей свою просьбу.

– Нет ничего проще, – сразу заключила маркиза, которая решала все государственные дела во Франции и даже расставляла людей на государственные посты. – Вам сейчас подготовят письмо, и его величество подпишет.

Через несколько дней Джон О'Рурк уже трясся в экипаже по дороге в Россию.

Императрица с участием приняла француза с ирландскими корнями и, как водится, пригласила для совета своего фаворита. В залу для приёмов вошёл высокий, под стать самой государыне, мужчина в годах, со следами былой красоты на мужественном лице и чёрными с проседью волосами. Он поклонился царице:

– Звали меня, матушка?

– Алексей Григорьевич, вот молодой человек из Франции желают у нас служить. Военное дело знает, воевал во французской армии. Его младший брат уже успешно служит на благо нашего Отечества. Как думаешь, куда мы можем его определить!

Недолго думал граф Разумовский:

– Так в конные кирасиры, матушка, куда ж ещё. А должность там ему подберут.

Вскоре Джон О'Рурк был назначен майором конных кирасир.

Шёл 1760-й год.

* * *

Старший из братьев О'Рурк Джон был опытным и смелым офицером.

Граф Джон О'Рурк, рожденный в 1728 году в графстве Литрим, попал во Францию через Англию, где он пять лет служил младшим офицером в надежде отличиться и сделать удачную воинскую карьеру. Англичане стали, однако, «очищать» свою армию от офицеров-католиков, и юного Джона О'Рурка отправили в отставку. Он прибыл в Париж и представил французскому королю петицию, в которой, упомянув достоинства своего происхождения, просил об офицерском чине. Этот чин ему и был немедленно дан: его сдела-

ли капитаном знаменитой «шотландской гвардии», так ярко описанной Вальтером Скоттом в романе «Квентин Дорвард». Офицеры-шотландцы и их друзья-французы были недовольны этим назначением и не преминули выказать это свое недовольство. Джону О'Рурку пришлось сражаться на четырех дуэлях – и это в течение двух дней! Он вышел победителем во всех четырех.

Во время Семилетней войны он в составе корпуса Чернышёва участвовал во взятии Берлина. Этот город он взял лично со своим подразделением, а после этого был назначен первым российским комендантом Берлина. На этой должности он немедленно обложил пруссаков контрибуцией, которую им волей-неволей пришлось платить.

Прусский король, на которого действия Джона О'Рурка произвели немалое впечатление, после окончания проигранной войны пригласил его на аудиенцию:

– Как вам пришло в голову, что Берлин можно взять штурмом? – спросил король. – Все военные эксперты говорили мне, что это невозможно. – На то была божья воля, – ответил Джон, – и еще приказ командования. Если мне прикажут, я буду штурмовать даже твердыни небес.

Прусский король восхитился ответом храброго офицера и вручил ему в качестве подарка инкрустированную бриллиантами шпагу.

– Матушка, – обратился к императрице Разумовский, – храбрые ирландцы О'Рурк обратились с ходатайством под-

твердить их графское достоинство.

– У меня нет никаких сомнений в этом, – ответствовала Елизавета Петровна.

Братья встретились после окончания войны.

– Я решил вернуться во Францию, – признался младшему брату Джон, – чувствую, что не смогу привыкнуть к новой родине. Может быть, потому что уже повоевал в других странах.

– А я – наоборот, – ответил ему Корнелиус, – хотя и считаю себя патриотом Ирландии, но думаю остаться здесь. Ты же знаешь, как я люблю племянницу нашего ирландца, ставшего в России фельдмаршалом, Петра Ласси.

– Это дочка его сестры Ханны Марии?

– Да. А отец её – генерал-майор Стюарт, потомок великой и кровавой Марии Стюарт.

– Ну что ж, у каждого своя дорога. Может быть, встретимся ещё...

Братья обнялись. Однако встретиться им больше не доведётся никогда.

Царь Пётр III, недавно взошедший на престол после кончины Елизаветы Петровны, дал Джону рекомендательное письмо к королю Франции. К этой рекомендации были также присоединены письма от фельдмаршала Суворова и генерала князя Волынского.

Джона О'Рурка сделали полковником французской кавалерии и внесли его имя в список французского дворянства. В

1774 году французский король наградил его орденом святого Людовика. О'Рурк в эти годы писал свой «Трактат о военном искусстве», который был вскоре опубликован в Лондоне. К тому времени Джон переселился туда. Лорд Стормонт представил его английскому королю, который вскоре возвел его в рыцарское достоинство. Служить при английском дворе, однако, О'Рурк не хотел, а английская военная элита смотрела на него, ирландца и полковника французской армии, с нелюбовью и подозрением. Нелюбовь эта, надо сказать, была взаимной. Джон О'Рурк умер в Лондоне в 1786 году, в возрасте 58 лет. Пространный некролог занял почти целую страницу в лондонской газете «Таймс».

* * *

Брат же его Корнелиус остался в России. Корнелиус О'Рурк храбро воевал за Россию, дослужился до генерал-майора и был назначен комендантом города Дерпта (Тарту). Вышел в отставку в 1788 году.

У него было три сына. Старший – Джозеф – во время Отечественной войны 1812 года за военный талант и храбрость был произведён в генерал-майоры и принял командование над авангардом Западной русской армии. Русская кавалерия под командованием ирландского генерала не давала Наполеону спокойной жизни, она преследовала его отступавшую армию от Березины до Ковны и Варшавы. Джозеф О'Рурк

был одним из генералов, в победоносном марше дошедших со своими войсками до Парижа. Во время Венского конгресса, определявшего судьбы Европы, генерал О'Рурк в числе особо отличившихся генералов был включен в свиту русского царя Александра I. Окончил службу в чине генерала от кавалерии. Его портрет украшает «Галерею героев 1812 года». После выхода в отставку получил большое имение в Минской области. Его дети стали землевладельцами.

Один из сыновей другого сына Корнелиуса О'Рурка Егора – Мориц – закончил пажецкий корпус, долго служил и вышел в отставку полковником в 1847 году. Купил себе имение в селе Ярмаки Миргородского уезда Полтавской губернии. Стал действительным статским советником, был избран уездным предводителем дворянства. Женился на местной дворянке, стал родоначальником украинской ветви этого древнего рода.

Сын Морица Николай закончил Морской корпус и ещё юнкером участвовал в знаменитом кругосветном путешествии фрегата «Аврора». Героически защищал Петропавловск-Камчатский от англо-американского флота. Николай Морицевич оставил удивительные по своему психологическому выводу воспоминания о тех событиях на Камчатке:

«Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее на ожидающую их смерть или великую беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером накануне сражения в глубокой задумчивости сидел на своей

батарею. Он часто думал о своей смерти и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал, он только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он намеренно говорил: «Молодцы наши авроровцы!»

Выйдя в отставку в чине капитан-лейтенанта, Николай Морицевич возвратился в Малороссию, где поступил на службу чиновником по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе.

Там он и познакомился с Екатериной Селецкой – дочерью крупного чиновника – тайного советника, гофмейстера Петра Дмитриевича Селецкого, выпускника киевского и берлинского университетов, киевского вице-губернатора и предводителя дворянства, владельца села Малютинцы (Отрада) Пирятинского уезда Полтавской губернии. Они полюбили друг друга и вскоре сыграли свадьбу.

Глава третья. Безоблачное детство

В 1877 году в скромной киевской квартире по улице Лютеранской, 33, где проживала семья, родилась девочка. Её назвали Марией. Кроме неё в семье росли ещё четыре брата и сестра.

– Манюня!

В гостиную вбежала четырёхлетняя девочка:

– Ты звала меня, мама?

– Да, доченька, я хотела ещё раз посмотреть, как ты выглядишь в этом платье.

Девочка взялась ручками за подол воздушного платьица в кружевах и закружилась по комнате.

– Ну и как?

– Ты у меня чистый ангел, – обняла дочку Екатерина Петровна, – такая прелестница, вот подрастёшь, будешь парням кружить головы.

Эта ненароком брошенная матерью шутливая фраза навсегда застряла в чудной девичьей головке и повлияла на всю дальнейшую жизнь Марии.

Девочка подошла к зеркалу и закрутилась перед ним. Она действительно была очень хороша: глубокие тёмно-голубые глаза притягивали всех смотрящих в них как магнитом, длинные золотисто-рыжеватые волосы окаймляли чуть продолговатое, но с пухленькими по-детски щёчками лицо.

Эти необычные волосы называли тициановскими, по имени великого венецианского художника XVI века Вечеллио Тициана. С волосами такого цвета он изобразил Венеру Урбинскую. Считалось, что богиня любви Афродита обладала роскошными золотисто-рыжеватыми локонами. И с тех пор женщины с подобными оттенками волос пользовались повышенным вниманием со стороны сильной половины человечества. Дамы, имеющие такие волосы, обладали неповторимой энергетикой. Они были сексуальны, оптимистичны, решительны, стремились выделиться и находиться на виду.

Пройдёт ещё четверть века, и в город, где за триста лет до того творил Тициан, приедет женщина, похожая на богиню, сошедшую с полотна художника. Но она будет истинно земною...

– Мама, мама! – звонкий детский крик прорезал тишину двора, где восьмилетняя Машутка качалась в гамаке. – Мама! Ой, больно!

Екатерина Петровна выбежала во двор и увидела дочку, лежащую на земле и держащуюся рукой за голову.

– Где, где больно?

– Вот тут, – девочка показала на затылок.

– Сейчас подую, и всё пройдёт. Ты упала?

– Да, упала и ударилась о дерево.

Вскоре после этого зрение Маши начало падать.

Вызванный доктор сказал, что задет зрительный нерв и надо завязать глаза плотной тканью, иначе дочка может

ослепнуть.

С этого времени Маша начала носить, почти не снимая, повязку на глазах. Через два года девочка начала остро чувствовать и угадывать то, что не могла увидеть, по доносившимся звукам представляла картину происходящего перед ней. Она научилась передвигаться по квартире, выходить на улицу, безошибочно угадывать места нахождения различных предметов. С ней занималась Жанетта, горничная из Франции, которая обучила её французскому и немецкому языкам. Она частенько читала девочке французские любовные романы, совсем не предназначенные для детей.

Однажды поздним вечером, когда все уже отошли ко сну, Машутке никак не удавалось уснуть. Она захотела пить и отправилась на кухню. Проходя мимо спальни родителей, услышала какие-то странные звуки: вот протяжные стоны матери, вот хриплые вздохи отца, к которым примешивался ритмичный скрип. Потом материнский стон перешёл в крик:

– О-о-о!

Маша не выдержала, сорвала с глаз повязку и решительно открыла дверь.

– Мама!

Екатерина Петровна, даже не прикрыв обнажённое тело, растрёпанная, вскочила с кровати:

– Манюня, почему ты не спишь?

– Я услышала что-то и хотела узнать, что тут у вас происходит.

– Всё хорошо, дочка, не беспокойся, – ответил отец, натягивая на себя простынь, – зачем ты сняла повязку?

– Мне она уже не нужна, я и так хорошо вижу.

– Ты пока надень её, а мы вызовем доктора и, если он разрешит, снимем.

На следующий день Маша замучила Жанетту вопросами о том, что происходит в спальне между мужчиной и женщиной. Горничная не только плохо говорила по-русски, но и не считала нужным скрывать от девочки интимные половые вопросы:

– Понимаешь, у мужчины и женщины имеются половые органы для того, чтобы вместе получать удовольствие и зачинать детей.

– У меня тоже так?

– Конечно, и у тебя, и у всех.

– А где эти органы?

И горничная прямо и открыто рассказала подробности, которые детям раньше времени не рассказывают. Так Мария в десять лет сделала первый шаг в сексуальный мир взрослых.

Вызванный специально из Англии доктор разрешил снять повязку.

– Катя, я считаю, что Машу надо отдать в институт благородных девиц. Ей уже десять лет, и надо получать образование.

– О, я думаю, что это будет нелегко сделать. – Екатерина

Петровна внимательно посмотрела на мужа. – Ты знаешь, о чём я говорю?

– Наверное... – после недолгого молчания ответил Николай.

– Я слышала, что там строгие порядки, а Манюня у нас избалованная.

– Но всё-таки это лучшее заведение для девочек из благородных семей. Там научат всему, что необходимо в жизни, – заключил разговор Николай.

– Но это, наверное, дорого стоит?

– Мы отправим её в Полтаву, там дешевле, чем в Киеве. Я договарюсь.

– Я не хочу туда, – сразу заявила Мария.

– Это необходимо каждой девочке, чтобы получить образование и быть готовой к тому, что ожидает тебя впереди, – пыталась уговорить девочку мать.

– Я туда не пойду! – твёрдо повторила дочка. – Мне дома лучше.

– Пойми, это необходимо каждой девочке из благородного сословия.

– Не пойду! – закричала Мария и зарыдала.

Это была первая и последняя истерика, которую она закатила родителям.

Вскоре её отвезли в Полтавский институт благородных девиц.

Глава четвёртая. В институте

– Подъём!

Зычный оклик классной дамы прорезал сонную тишину дортуара. Мария натянула на голову одеяло, пытаясь совсем по-детски спрятаться от металлического голоса. Он звучал страшной музыкой, заставляющей вылезать из тёплой постели в нетопленную стынть помещения. Девочка знала, что надо встать за полчаса до утренней молитвы, чтобы успеть в туалет и умыться. В шесть часов молитва, потом завтрак и два полуторачасовых урока. И только после обеда краткий отдых, и вновь уроки. После полдника воспитанницы готовились к занятиям, в девять ужинали, затем вечерняя молитва, в 10 вечера ложились спать.

– Ну что? – произнесла классная дама, сдёргивая одеяло. – Так и будем лежать до вечера?

Мария молча встала и поплелась умываться. Ей, домашней девочке и всеобщей любимице, приходилось особенно трудно выдерживать казарменные порядки института. Платье коричневого цвета из камлота становилось всё более ненавистным. Девочкам младших классов полагалась одежда коричневого цвета как символизирующего близость к земле, что предполагало и практичность, во втором – темно-синего, в третьем – голубого, в старшем возрасте – белого. С возрастом тон одежды светлел, подразумевая образо-

ванность, взрослость, аккуратность.

Пока стояла на молитве, замёрзли руки, пришлось натянуть кожаные перчатки, которых выдавалось по три пары на год.

Домой Мария попала только через одиннадцать месяцев, таков был режим учёбы. За это время к ней только раз приезжали мать с отцом. Такой резкий контраст между прежней жизнью и настоящей реальностью ломал девочку, заставлял её озлобляться, становиться бесчувственной к окружающим. Она стала мстительной, причём делала это исподтишка, как в отношении своих подруг по институту, так и в отношении преподавателей.

В свободное время зачитывалась любовными романами, потом обсуждала прочитанное с подругами, выказывая познания в плотских взаимоотношениях мужчин и женщин. Постепенно она превращалась в изящную, красивую девушку, обладающую необъяснимыми способностями притягивать людей. Уже в старшем классе Мария подружилась с молодой преподавательницей русской словесности Людмилой Ивановной. Та жила в небольшой комнате при институте и при каждом удобном случае стремилась заговорить с Марией, дотронуться до неё. Однажды пригласила к себе.

– Машутка, знаешь, как я умею заваривать чай, такого ты и не пила никогда.

– У нас дома был очень душистый чай, Людмила Ивановна.

– А вот чай с вином ты не пробовала?

– Нет. – Мария покачала головой. – Нам нельзя, за это могут из института исключить.

– Ты не беспокойся, никто не узнает, да мы лишь по чуть-чуть. Кстати, когда мы вдвоем, называй меня по имени – просто Люда.

С непривычки от выпитого слегка кружилась голова, отошла куда-то далеко безрадостная жизнь в институте, Людмила казалось такой замечательной женщиной. Она подседа ближе к Марии, обняла её:

– Машенька, ты такая красивая девочка, такая тоненькая, хрупкая и притягательная. – Руки Людмилы Ивановны скользнули вдоль тела, лаская прелестные выпуклости едва оформившейся шестнадцатилетней девушки. – Дай я тебя поцелую. – Жадные губы закрыли рот, руки расстегнули платье и скользнули под рубашку... Вскоре они уже лежали в постели, и Мария получала первые уроки лесбийской любви.

С этих пор Людмила начала обучать девочку. Прошёл месяц. Однажды преподавательница остановила Машу и тихонько сказала:

– Приходи завтра ко мне, будет один интересный мужчина.

– Нет, нет, – Мария даже испугалась, – с мужчиной я не буду.

– Да не бойся, ты так и останешься девственницей, но узнаешь много интересного, сама получишь удовольствие

и поймёшь, как доставить удовольствие мужчине. Это тебе очень пригодится в дальнейшем.

Мария, конечно, видела, какие жадные взгляды бросают на неё мужчины-преподаватели, она прекрасно сознавала собственную привлекательность и уже чувствовала свою власть над сильным полом.

В эту ночь она долго не могла заснуть, ей виделись сексуальные сцены, о которых уже многое знала. Гладила и ласкала себя, тихонько постанывая под одеялом, чтобы не услышали соседки по дортуару.

На следующий день пыталась добросовестно заниматься, отсиживая уроки, но ничего в голову не лезло. Наступал таинственный вечер, обещавший неведомое и прекрасное, о чём уже знала, но никогда не видела воочию.

Как бьётся сердце! Скоро, скоро она увидит необыкновенное и захватывающее действо и даже будет в нём участвовать. Как это будет, что там будет, она может только гадать.

Этот вечер запомнился Марии как «любовь втроём». Вернее, любовью занимались двое, а Мария смотрела и участвовала руками и ртом. Теперь она уже знала всё и щедро делилась знаниями с подругами по институту.

В институте её прозвали на французский манер «деми-виержкой». Это словечко означало «полудевственница», так называли девиц, которые, храня физическую девственность, уже познали многое из того, что именуется плотской любовью.

Глава пятая. Замужество

– Мадмуазель, разрешите пригласить вас на вальс?

Мария подняла голову, чтобы посмотреть на приглашающего. Она ещё не отошла от предыдущего танца и хотела бы немного отдохнуть, но упустить такого красавца было выше её сил. Уже не раз на балах, которые в институте устраивали для воспитанниц выпускного класса, она ловила на себе взгляд этого молодого человека. И вот сейчас он решился пригласить её на танец. Обладая уже некоторым опытом, чувствовала в касаниях, в объятиях танца, что партнёр влюбился.

– Вы проживаете в Полтаве?

– Нет, здесь неподалёку наше имение.

– Это какое же?

– Качановское.

– О, так вы не сын ли Василия Григорьевича Тарновского?

– Да, – подтвердил, немного смущаясь, молодой человек, – я его сын. – И представился: – Василий. А вам известен мой отец?

– Конечно, кому же ваш батюшка не известен? Меценат, покровитель искусств, большой затейник. У вас там известные художники, писатели и певцы частенько бывают.

– Бывают. У нас в усадьбе много картин и всяких казацких древностей. А какие павильоны построены, а какие фонтаны

затейные...

– И фонтаны? – Машенька с неподдельным интересом слушала гостя.

– О, есть один, который батюшка назвал «Водочный фонтан».

– Даже так?

– Хотите, расскажу про него?

– Послушаю с удовольствием.

– Возле села был у моего отца винокуренный завод. Вот однажды надумал он жениться и в честь такого случая решил пустить фонтан с горилкой. Подумал: «Пусть пьёт крещеный люд сколько душе угодно!»

– А как же это могло получиться, разве под силу такой фонтан пустить?

– Целую систему пришлось разработать, горилка по трубам помпою подавалась. Ну, народ наш на это дело слабину имеет, сколько людей бросилось к тому чуду. Кто с ведром бежал, кто с кружкой, кто рот подставлял под струю горилки, а кто хватал её пригоршнями и шумно втягивал в себя! И бабы неслись с тою посудою, что в доме нашлась: с горшками, макитрами, бутылками, а которые и с ведрами, в общем, что под руку попало, с тем и помчались. Набрали, сколь унести смогли, и домой. А после снова к фонтану. Один дядька, как заведённый, только отбежит от фонтана, глядь, снова возвращается, кричит: «Ось тіки ще раз ковтну!»

Эх, сколько потом валялось подле него добрых молодцов,

как трупов после большого сражения. Иные и спали возле фонтана до следующего утра, когда опохмелиться время подходило. А некоторые так и не проснулись.

Мария только прелестной головкой качала, в которой рождались вполне практичные мысли.

С этого момента Василий Тарновский не пропускал ни одной возможности встретиться с Марией, приезжал в дни посещений воспитанниц родственниками, неизменно участвовал в балах.

На выпускном вечере он всё время приглашал Марию. И когда бал подходил к концу, наконец решился:

– Машенька, я люблю вас и прошу вашей руки.

Мария, не ожидавшая такой стремительности, ответила:

– Я подумаю, Василий Васильевич, и извещу вас.

Марии исполнилось 18 лет, она стояла на пороге самостоятельной жизни, и ей было о чём подумать. Замужество, так, как она его себе представляла, совсем не вязалось с её вольнолюбивой, решительной, страстной натурой. Она желала жить весело, свободно, широко. Мечтала гулять, с кем хочет, дружить, с кем хочет, любить, кого пожелает именно в этот момент, а в иной момент – другого. Да, собственно, Мария и не подозревала, что значит – любить. Всё, что она постигла к этому возрасту в своих познаниях о любви, было плотским, физическим, удовлетворяющим похоть. Но для такой жизни нужно много денег. Сможет ли дать их ей кандидат в женихи и захочет ли? И что вообще он из себя

представляет? Её практичный расчётливый ум требовал информации. Для принятия правильного решения необходимо было узнать о Василии побольше.

Вскоре она получила нужные сведения.

Василий Тарновский – молодой человек 22 лет, нигде не учился, профессии не имеет. Брал уроки пения в Петербурге. Не служил, по причине дурной наследственности, связанной с алкоголизмом. Живёт на родительском обеспечении. Является наследником крупного состояния, в том числе недвижимости – усадьбы Качановка. Правда, его отец вкладывает в хозяйство более, чем получает дохода, что может грозить разорением. Слабохарактерен, любит покутить, в этом берёт пример с отца. И ещё Мария узнала, что Василий поёт, что брал уроки пения у знаменитого итальянского баритона и дружен с Фёдором Шаляпиным.

– А что, Василий Васильевич, это правда, что вы хорошо поёте? – спросила она на очередном свидании. – Или это просто слухи о вас такие ходят?

– Нет, отнюдь не слухи, – с некоторым смущением ответил Василий, – я пел в некоторых городах России и за границей.

– Отчего же я нигде не слыхала о вас?

– Это правда, мой батюшка против того, чтобы фамилия наша произносилась с таким неблагоприятным, по его мнению, занятием. Потому я вынужден был выступать под псевдонимами.

– А не смогли бы вы что-нибудь спеть сейчас для меня? –

осмелилась попросить девушка.

– Отчего же, непременно спою. Вот слушайте. – Василий выпрямился, слегка выпятил грудь и расправил плечи. Вдохнул побольше воздуха и запел приятным баритоном:

– Любви все возрасты покорны,

Её порывы благотворны.

И юноше в расцвете лет, едва увидевшему свет,

И закалённому судьбой бойцу с седою головой.

Онегин, я скрывать не стану:

Безумно я люблю Татьяну.

Тоскливо жизнь моя текла,

Она явилась и зажгла, как солнца луч среди ненастья,

Мне жизнь и молодость, да, молодость и счастье.

И жизнь, и молодость, и счастье.

Одинокие аплодисменты были наградой взволнованному певцу. Мария вскочила со стула и, подбежав к молодому человеку, поцеловала его.

– Я согласна, Василий Васильевич...

Конечно, девушка, руководствуясь своим рассудочным характером, решила всё заранее, но обставить сцену согласия на брак показным восторженным порывом было вполне в духе её приверженности к неожиданным театральным эффектам.

– Ты что, сумасшедшая, выходить замуж за этого бездельника и пропойцу?

– У них богатая усадьба и много денег. И он красив...

– Деточка моя! – мать заломила руки. – Ты ещё молода, подумай хорошенько, отец никогда не даст своего благословения на этот брак.

В комнату вошёл отец:

– Что тут у вас происходит?

– Вася Тарновский просит руки Марии.

Николая О'Рурка даже передёрнуло:

– Они не ровня нам. Ты – наследница древнего английского королевского рода, в графском достоинстве, можешь и должна рассчитывать на жениха, имеющего положение в обществе. Да обеспеченного не только отцовской недвижимостью, но и постоянным доходом.

– А я хочу выйти за него! – в своей решительности не уступая отцу, выкрикнула Мария.

Ничуть не лучшая ситуация случилась и у Васи Тарновского, когда он сообщил родителю о своём намерении жениться на Марии О'Рурк.

– Да ты представляешь, какой хомут хочешь повесить себе на шею? Ты – старший сын потомственного казака, будущего гетмана Малороссии, состоятельного человека, стал

якшаться с дочкой служащего. Пусть он из графьёв, но не имеет за душой ни гроша, живёт лишь на жалованье. А что это за девица без приданого? К тому же она без царя в голове, взбалмошная особа с дурной славой! – кричал экзальтированный Василий Васильевич – отец. – Да и ты ещё недостаточно зрелый человек, чтобы мог вступить в брак и нести ответственность за семью.

Юноша не стал спорить с отцом, зная резкий и нервический характер родителя и не желая осложнять и так не блестящие отношения. Когда он в печали выходил из большого дома в сад, его подозвала бабушка, которая обожала внука.

– Я слышала весь твой разговор с отцом, Васюк, и хочу тебе кое-что посоветовать. – Она повела любимого внука в садовую беседку. Сад уже был наполнен весенними апрельскими ароматами лопающихся почек и распускающихся цветов. – Я помню времена, когда мы, казачки, не уступали мужикам в скачке и владении оружием. Тот лихой дух до сих пор сидит в моей крови. Я бы поступила на твоём месте так: докажи, что ты мужик, что любишь её, укради невесту и женись на ней тайно в какой-нибудь сельской церкви. В свидетели возьми надёжных друзей.

От этого предложения и весенних ароматов зацветающего сада у нерешительного Василия кружилась голова. Что делать, что делать? Можно ли себе позволить такое, согласится ли Мария?

Мария, услышав такое предложения, запрыгала и закри-

чала:

– Здорово, как здорово! Поедем, я знаю такое место. Поговорю с девчонками институтскими, вот они обрадуются, так ещё никто не выходил замуж, да и вряд ли отважится. А ты со своими ребятами потолкуй. Эх, как весело, как романтично!

Мария преследовала сразу несколько целей. Во-первых, парень красив и привлекателен, а ей уже так хочется скорее испытать с мужчиной всё, что она знает об интимной жизни. Во-вторых, Василий безумно влюблён в неё, а это так приятно. Ну а в-третьих, он богат, и есть возможность жить роскошно и свободно.

Итак, весной 1884 года молодые обвенчались в маленькой сельской церкви. На церемонии никто из родни не присутствовал, лишь только друзья-приятели, которые неизменно радовались необычному приключению, похожему чем-то на подвиги кавказских абреков, которые воровали себе жён.

– Прими, отец Амвросий, ещё одну за нас, – протягивал Василий большой бокал священнику, только что соединившему их с Марией во Христе.

Святой отец выпил, крикнул, вытер рот и, слегка покачавшись, запинаясь, проговорил:

– Счастья, вам, поцелуйтесь теперь как супруги.

– Горько, горько! – закричали, завизжали, запрыгали приятели. – Ну, целуйтесь же!

Василий уже немного по-хозяйски повернулся к жене и,

обняв её, припал к губам. Мария дала ему возможность проявить свой целовальный опыт, не испытывая, впрочем, никакого желания.

– А теперь едем все в ресторацию, – по-барски махнул рукою молодожён, – гулять будем!

Вскоре весёлая компания громко скандировала под водочку да под настоечку:

– Горько, горько! Пей до дна, пей до дна!

Молодые целовались и пили, пили и целовались, и жизнь казалась им восторженным сном. Все гости были уже во хмелю, когда Василий поманил официанта. Тот подошёл и, повинуясь красноречивому движению пальца клиента, наклонился:

– А скажи-ка, любезный, нет ли здесь комнаты, где можно уединиться с дамой?

– Отчего же, господин, конечно, есть. Извольте, я сопровожу...

– Манюня, пойдём, прогуляемся, – предложил Вася девушке, – здесь очень душно.

Она поднялась, опираясь на его руку, поскольку от выпитого слегка кружилась голова:

– Да, милый.

– Господа, – обратился к присутствующим молодожён, – мы вас покинем ненадолго.

– Давай, Васёк, дерзай! Покажи институточке, как мужчины любят, да слишком не увлекайся на первый раз! Просты-

ни проверим! – неслись вслед молодым остроуты приятелей.

В комнате было прохладно. Широкая кровать под балдахинном гипнотизировала и притягивала на своё любовное ложе.

– Любезный, принеси-ка нам шампанского и сладких французских макарон³.

Взглянув на широкую кровать, Мария тихонько произнесла:

– Милый, я отлучусь в туалетную комнату, мне надо привести себя в порядок.

Когда Мария вернулась, бокалы были полны, а на поверхности круглых разноцветных печений матово отражался отблеск светильников.

– За прекрасную женщину, сидящую напротив, – провозгласил тост Василий и добавил: – Которая сегодня стала моей женой.

Звенели бокалы, пенилось шампанское, губы шептали нежные слова и находили другие губы. А руки порхали по мягкому податливому телу, и оно отзывалось дрожью желания на эти прикосновения.

– Манюня, я люблю тебя, – шептал Василий и слышал в ответ: – И я тебя... тоже.

Долой эту мешающую одежду, вот обнажённые тела со-

³ **Макарон** (фр. *macaron*) – французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля. Обычно делается в форме печенья; между двумя слоями кладут крем или варенье. Готовое изделие мягкое, с гладкой поверхностью, тает во рту. Бывает разнообразных вкусов.

прикоснулись...

Мария знала, что надо делать, знала, как возбудить мужчину, сейчас пришла пора проявить эти знания на практике. Но мужчина уже был возбуждён лишь от её прикосновений. Она ласкала его сначала тонко, потом всё сильнее и, наконец, довела до безумия, но и сама горела от желания и страсти.

– Ну, возьми же... меня! – простонала сквозь зубы. Ногами обхватила его горячее тело и почувствовала сладостную боль внизу живота. Вот оно, вот наконец она узнала, как это бывает...

Через час они возвратились к приятелям и были встречены криками «ура» и «виват».

* * *

– Ты поступила неразумно, дочь, за такого человека не только не стоит выходить замуж, но даже и общаться с ним. – Николай Морицович сидел с Марией в просторной гостиной и пытался воспитывать дочь, хотя и понимал, что дело уже сделано и исправить что-либо вряд ли возможно. – Он, наверное, желает унаследовать наш родовой графский титул? Только вряд ли это получится.

– Может быть, получится у моего сына?

Этот ответ чрезвычайно оживил внешне спокойного Николая Морицовича.

– Ты никак беременна, Мария, и даже знаешь пол ещё не

рождённого младенца?

Последняя фраза графа прозвучала насмешливо.

– Нет, батюшка, но я надеюсь на это. И вообще, я уже вполне самостоятельная и имею право принимать решения, касающиеся моей судьбы.

– Ты – дочь своих родителей, представительница рода, и все твои поступки так или иначе будут отражаться на нашем имени и касаться твоих братьев.

– Я ценю это, батюшка, но хочу сама распоряжаться своею жизнью.

– Э, поступай, как знаешь, – Николай Морицович махнул рукой, – да ты уже и поступила.

* * *

Василий прекрасно понимал, что явиться в дом к горячему и импульсивному отцу, женившись против его воли, весьма опасно. Поэтому он начал свою подготовку с бабушки – матери отца.

– Вася, – завела разговор с сыном мать, лихая казачка в молодости, – хочу доложить тебе, что наш Васюк женился.

– Как?! – выскочил из-за стола, где он чаёвничал, отец. – Как он посмел без моего благословения?! – Чёрные длинные усы его при этом воинственно топорщились. Он бросился к стене, где висели, украшая её, казацкие сабли. В руке его сверкнул вытащенный из ножен клинок. – Где этот мер-

завец?! Зарублю!

Но старая казачка, хорошо зная своего сына, не испугалась.

– Охолонись! Он поступил как настоящий казак, выкрал любимую и женился. Ты должен гордиться им!

– Сначала должен был благословения попросить, как все люди, – начал остывать хозяин. – Кто невеста?

– Она тебе знакома, из благородного старинного королевского рода, из графьёв.

– А, эта... эта... – Василий запнулся, не зная, как назвать девушку, чтобы не получилось слишком грубо. – О ней весь город судачит...

– Она до нашего Василька ещё девственницей была, много ли тебе таких известно по нынешнему-то времени?

– Так и поверю?

– Может, потребуешь, чтобы простыни принесли?

– Может, и потребую...

– Как самому-то не совестно, люди гутарят, шо в округе на двадцать вёрст нет ни одной девки пригожей да телом завлекательной, чтобы в руках твоих не побывала, да и пани хорошенькую и податливую ты не пропустишь, даром, что жена красавица.

Хозяин сидел, опустив голову, но вдруг вскинулся:

– А шо, кровь казацкая, горячая, могу и укокошить кого в расстройстве.

– Да уж знамо, в прошлом-то годе убил из револьвера кре-

стьянина.

– Злой был за то, что дерево в лесу моём рубил. А когда обругал его, ответил мне неподобающе, вот и стрельнул... Потом кучу денег на адвокатов и свидетелей потратил, чтобы несчастным случаем представить, времена-то нонче уже не крепостные. Ладно, передай Ваське, пусть приводит свою...

Когда молодые приехали в Качановку, отец как взглянул на Марию, так весь гнев его, ещё подспудно зревший, сразу пропал. Обмяк горячий казак. С первого взгляда оценил старый «ходок по бабам» юную красоту девушки. Да не просто красоту, а какое-то глубинное притяжение, магнетизм, исходящий из тёмных пронзительных глаз, сводящих с ума мужчин.

– Да, не промахнулся Васюк.

Глава шестая. Тарновские

Малороссияне стали штурмовать столицу Российской империи Петербург в конце XVII – начале XVIII веков. Разными путями они оказывались там, некоторые нанимались певчими, другие попадали в фавор. Одним из последних был бедный малороссийский казак Алёшка Розум, ставший благодаря своей красоте и голосу фаворитом императрицы Елизаветы Петровны Алексеем Григорьевичем Разумовским, графом и фельдмаршалом Российской империи. Другие богатые малороссийские роды осваивали столицу в течение двух веков. В Малороссии же оставались Тарновские, Скоропадские, Завадские, Коцюбинские, Лещинские и прочие.

Худородный титулярный советник Григорий Степанович Тарновский не предполагал, откуда придёт к нему удача. Его мать⁴ вышла вторично замуж за Григория Яковлевича Почеку, который ещё в 1808 году купил у сына фельдмаршала Румянцева-Задунайского роскошное имение Качановка в Черниговской области. Естественно, после смерти Почеки и матери по завещанию в 1824 году имение перешло к Григорию Тарновскому, сыну Прасковьи Андреевны от первого брака. В усадьбе Тарновский собрал большую [библиотеку](#)

⁴ Прасковья Андреевна Остроградская, дочь подкомормия. В первом браке за киевским губернаторским маршалом Степаном Яковлевичем Тарновским.

и коллекцию картин, среди которых были произведения известнейших русских и европейских мастеров, завёл [домашний оркестр](#), перекупив его у соседа [Григория Галагана](#), известного крепостного скрипача. А заодно купил и [скрипку Страдивари](#).

Григорий Степанович имел слабинку: о его «непрерывных романах» долго ходили семейные рассказы. Знала о них и жена, однако смотрела на это сквозь пальцы. Жили они отдельно, занимали разные апартаменты в противоположных концах огромного качановского дворца. Из апартаментов Григория вела потайная лестница, двери к которой были спрятаны в шкафу с одеждой, она выходила прямо в сад. Хозяин держал тайный гарем из крепостных девушек. О «гаремах» Тарновского упоминается и в повести Тараса Шевченко «Музыкант» – владелец Качановки господин Арновский появляется в ней как «сластолюбец» и «развратник».

Григорий Степанович был равнодушен к искусству и, собрав с огромного имения богатый урожай, непременно отправлял в столицу для земляков мед, горилку, соленья, варенья, сало и колбасы. А знаменитости – писатели, художники, композиторы – приезжали летом в прекрасное имение, жили во дворце, любовались гротами и искусственными островами на пруду, бродили по окрестностям, наблюдали работу девяти тысяч крепостных.

В имении знаменитый композитор Михаил Глинка любил работать в румянцевском гроте под [беседкой](#) на холме рядом

с прудом. С тех пор она получила название: «Беседка Глинки». Здесь он продолжил работу над оперой «[Руслан и Людмила](#)», были написаны «Баллада Финна» и «Марш Черномора», которые впервые исполнили музыканты Тарновского в парадной [столовой](#) под управлением самого Глинки. Кроме того, композитор несколько раз в Георгиевской церкви дирижировал хором, в составе которого пел и приехавший с композитором [баритон](#) Семён Гулак-Артёмовский, он исполнял «Запорожца за Дунаем». Николай Гоголь впервые гостил в Качановке в 1835–36 годах. Он делился с хозяином только что написанным «Тарасом Бульбой».

Художник Василий Штернберг, будучи в имении, влюбился в племянницу хозяина Эмилию Васильевну. В Качановке Штернберг написал свои лучшие работы: «Ярмарка в местечке Ичня», «Освещение пасок в Малороссии», «Усадьба Г. С. Тарновского в Качановке», «Игра в прятки в поместье Г. С. Тарновского», «Водяная мельница в Качановке», «В Качановке, имении Тарновского», «Малороссийский шинок».

Художник Павел Федотов сошёл с ума на почве неразделённой любви к другой племяннице хозяина, Юлии Васильевне.

Тарас Шевченко бывал здесь не раз, влюбился в третью племянницу Григория, Надежду Васильевну, и посвятил ей стихотворение «Великомученице, кумо».

Григорий Тарновский умер в один день со своей женой в

1853 году, и так как у них не было детей, усадьба перешла к племяннику Василию Васильевичу Тарновскому-старшему.

После смерти Василия Тарновского-старшего в 1866 году усадьба по наследству перешла к его сыну Василию Тарновскому-младшему. У него в жизни были три главные страсти: парк, коллекция и женщины. Василий перестроил дворец, насадил множество растений и деревьев и даже сибирский кедр. В части парка с холмистым рельефом была создана своя «Швейцария», появились «Горка Любви», «Холм Верности», «Хвойная Горка». Аллеи были украшены малыми архитектурными формами, коваными скамьями, мраморными скульптурами, был создан каскад из 12 прудов.

В Качановке в 1877 году родился Вася Тарновский, который получил домашнее имя Васюк.

Глава седьмая. Первые опыты

Пара молодожёнов поселилась в имении Качановка. Летом наслаждались природой и свежим воздухом, ширью полей, прохладой лесов, наезжая иногда в полтавское имение О'Рурков «Отрада», доставшееся родителям Марии как приданое матери.

А лишь только зима запуржит за окном, мчатся в санях по первому снегу на жительство в Киев или катят в Европу. И понеслась жизнь беззаботная и весёлая, разгульная и пьяная. Балы, театры, самые фешенебельные рестораны, рауты, дорогие курорты, наряды за бешеные деньги. Мария обожала роскошную жизнь, и Вася не скупился, чтобы обеспечить её.

Киевский бомонд быстро оценил пару. Мария всё больше понимала, что есть в ней нечто, заряжающее мужчин, ни один не мог пройти мимо, не оглянувшись, а то и, не застыв на месте, глядя на неё с открытым ртом. И она развивала, использовала на практике, неосознанно культивируя в себе эту магнетическую силу, притягивающую любого мужчину. Василий Тарновский, имеющий огромное состояние, старался украсить этот попавший в его руки бриллиант, отделать его золотыми покровами, исполнить любой каприз своей необыкновенной супруги.

Животик Марии уже значительно выделялся, показывая, что в семье скоро должен появиться малыш, но супруги,

несмотря на это, продолжали свои вылазки в театры и рестораны.

– Я плохо себя чувствую, милый, – заявила однажды Мария, – рожать совсем скоро. Так хочу поехать в «Париж», но боюсь.

– Ну тогда оставайся дома, я поеду один, – ничуть не смутился Василий, – сегодня там будет кардебалет из Франции.

– Нет, нет, – сразу встрепенулась Мария, забыв о тянущей боли внизу живота, – я поеду с тобой.

Великолепная пара, уже известная в городе, сразу привлекла к себе внимание посетителей. Оба высокие, яркие, Мария даже в поздней беременности сохраняла врождённое изящество. Метрдотель в глубоком поклоне склонился перед пришедшими:

– Какой столик изволите, Василий Васильевич?

– Откуда всё видно.

– Будет сделано-с.

Метрдотель проводил богатых клиентов до столика и предложил меню.

– Посоветуй, любезный, что сегодня можно заказать.

– С удовольствием, Василий Васильевич. Сегодня у нас день птицы: рекомендую филейчики из дроздов. Имеются особо оригинальные перепела по-генуэзски, а также тушёные в соусе рябчики. Только что подвезли куропаток и тетеревов. На холодное могу предложить блюдо вам известное, пользующееся неизменным спросом, – стерлядь кусками, пе-

реложенная раковыми шейками и свежей икрой.

– Хочу стерлядь и рябчиков, – вмешалась в разговор Мария.

– Непременно, мадам, – поклонился метрдотель.

– Из напитков что-то французское или итальянское имеется? – спросил Василий.

– Есть Тосканское – чарующий напиток, только что получили из Италии.

– Давай, – махнул рукой посетитель.

– И рюмку абсента⁵ с клубникой, – добавила Мария.

– Милая, в твоём положении абсент противопоказан, – попробовал возразить Василий.

– С одной рюмки не свалюсь, – отпарировала супруга.

Вскоре принесли в серебряной кастрюльке стерлядь, рюмку абсента, вино, хрустальные бокалы и серебряные приборы.

Едва Мария сделал несколько глотков зелёного цвета напитка, как лицо её побледнело, она откинулась на спинку кресла и прошептала:

– Умираю.

– Что такое, что с тобой? – засуетился Вася.

– Схватки начались, – едва вымолвила роженица.

И тут Василий проявил себя как настоящий мужчина. Он подозвал метрдотеля:

⁵ Абсент – крепкий алкогольный напиток, настоянный на экстракте горькой полыни.

– Жена рождает, есть здесь комната?

– Есть, конечно, есть, надо немедленно проводить её туда.

– Найдите врача или повитуху, – настойчиво приказал Василий, – да поскорее, а то роды придётся принимать вам.

Через час Мария родила сына. Шёл 1897 год.

* * *

Недолго просидела молодая мать дома с ребёнком, едва прекратила кормить грудью, вновь закурилась карусель ресторанов, театров, кафешантанов. Через два года Мария родила дочку и вновь задумала вести весёлую разгульную жизнь, но это ей уже наскучило. Теперь она готовилась к новой сильной и неожиданной роли, основанной на том, что было дано ей от рождения как женщине. Холодная, равнодушная по сути своей, но необычайно притягательная для мужчин, она решила разыграть эту карту и попробовать, насколько велики её чары.

– Петруша! – Мария постучала в комнату младшего брата Василия Петра. – Можно к тебе?

– Да-да, заходите, Мария Николаевна.

Она осторожно приоткрыла дверь и скользнула внутрь, тонкая, стройная, гибкая.

– Ой, как у тебя интересно! – завертелась на месте, разглядывая простую обстановку, книги, тетради...

– Да, вот учу, – запинаясь и краснея от внимания к себе

красавицы жены старшего брата, лепетал Пётр.

– А что, не получается у тебя? Давай помогу.

– Ну что вы, Мария Николаевна, вам, наверное, недосуг.

– С удовольствием помогла бы, а может, я тебе неприятна, не нравлюсь чем-то?

Пётр сложил на груди руки и, запинаясь, произнёс:

– Вы... мне... нравитесь. – И добавил: – Очень.

– Ну и прекрасно, садись, позанимаемся.

Юноша придвинул стул для гостыи, и она села рядом с ним, обдав тончайшим запахом французских духов. В свои 17 лет он никогда ещё не общался с женщинами, девчонки, дворовые подружки детских лет, его уже не привлекали.

Они стали заниматься, Мария положила руку на плечо юноши, и он, поворачивая иногда к ней своё прыщеватое лицо, терялся, забывал обо всём, встречаясь с глубоким пронзительным взглядом её тёмных глаз.

– Ну что же ты, Петруша, смелее, – подбадривала женщина, – какой ты, право, неловкий.

Парень совсем замолчал и сидел красный и вспотевший.

– Ну ладно, я завтра ещё зайду, а ты пока повтори то, что мы с тобой прошли.

В эту ночь Пётр почти не спал, утром попробовал заниматься, но ничего в голову не шло, думал только о Марии. Она пришла под вечер:

– Ты не очень хорошо выглядишь, Петруша, я тебя попробую полечить. Будем делать массаж.

Она расстегнула и сняла с него рубашку, приказала:

– Ложись сюда!

Пётр послушно лёг на живот и только слегка вздрогнул, когда женские пальчики пробежали у него по спине между лопатками. Мария спокойно и целенаправленно занималась тем, что хорошо умела, – возбуждала мужчину. Вернее, даже мальчишку-подростка с гиперсексуальностью.

– Ну, как тебе? – спросила через некоторое время. – Хорошо?

– Да, хорошо, – едва прохрипел Пётр.

– Тогда переворачивайся на спину.

Он послушно перевернулся, и женские пальчики, лёгкие, но смелые, заскользили по груди, животу, опускаясь всё ниже. Ага, вот оно, Мария почувствовала возбуждение юноши.

– На сегодня хватит, завтра продолжим.

Она вышла, а Пётр вскочил и схватился двумя руками за низ живота.

Женщина и сама не понимала, почему ей доставляет удовольствие мучить этого юношу. Мария испытывала наслаждение, когда кружила голову мужчине, чувствовала свою власть над ним. И это идущее из глубины её существа чувство всё более крепло и развивалось. Она знала, что он уже пойман ею, что он раб, который будет исполнять все её желания. И от этого знания душа её преисполнялась восторга.

На следующий день, лишь взглянув на юношу, поняла, что он ждал её и думал лишь о ней.

– Как ты себя чувствуешь, Петруша?

– Хорошо, от ваших чудодейственных рук исходит излечение.

– Хочешь ещё сеанс массажа?

– Да, если вас это не затрудняет.

– Тогда раздевайся, брюки тоже сними, я сделаю тебе общий массаж.

Пётр несколько замялся, но послушно разделся, оставшись в одних панталонах.

Мария привычно и свободно начала массировать тело юноши, вибрирующее под её руками. Она прошлась по спине, ногам, коснулась ягодиц и попросила:

– Теперь перевернись.

Женские пальцы опять заскользили по груди, животу, бёдрам...

– А скажи, Петруша, у тебя были женщины?

– У меня? Нет, не знаю... – неуверенно ответил юноша.

– Ну, ты спал с какой-либо женщиной?

– Нет.

– У тебя такое красивое молодое тело. – Она неожиданно спустила его панталоны. Пётр попробовал подняться, но Мария толкнула его рукой. – Лежи, лежи...

Теперь массаж был совсем иным, и Пётр весь дрожал от возбуждения, а женщина всё увеличивала темп. Наконец он не выдержал, изогнулся и захрипел: – А-а-а!

– Ну вот, всё хорошо, – она гладила и ласкала его тело, –

теперь отдыхай, а я приду через день.

– Мариша, сегодня едем в «Шато», – Василий крутился перед зеркалом, – ты помнишь, там очень весело.

– Я помню, Васюк, но сегодня не могу, голова болит.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Василий, – знаю я твою голову.

– Нет, правда болит, иди один.

– Хорошо, – молодой супруг как будто даже обрадовался, – погуляю без тебя. Друзья, подруги...

– Не напивайся только, и с проститутками осторожнее.

– Конечно, если какая привяжется, сразу о тебе вспоминать буду, – то ли в шутку, то ли всерьёз ответил Василий... –

Au revoir⁶, дорогая.

Конечно, Мария была уверена, что муж вернётся поздно и в изрядном подпитии. Но это ей и нужно было, знала, что Пётр ждёт её. В этот раз она захватила с собой бутылку вина и два бокала из буфета.

– Давай, Петруша, выпьем за то, чтобы у тебя прекрасно шла учёба и были одни лишь успешные оценки.

Когда выпили третий бокал, Мария спросила, уже зная ответ:

– А скажи, Петруша, ты умеешь целоваться?

– Нет, Мария Николаевна, я не пробовал.

– Когда мы вдвоём, зови меня просто Маришой. Хорошо?

Пётр кивнул.

– Давай я тебя научу. Хочешь?

⁶ Au revoir (фр.) – до свидания.

Пётр снова кивнул.

Тогда Мария приблизила своё лицо к лицу юноши и коснулась его губ. Он целовался неумело, но она настойчиво учила его, проталкивая свой язык меж его зубов и захватывая язык. Она взяла его руку и положила себе на грудь, потом расстегнула себе платье и засунула под него руку Петра. Он весь дрожал. Она шепнула:

– Смотри, я буду раздеваться.

Медленно снимала одежду, чувствуя его пристальный взгляд.

– Ну, иди сюда, теперь я тебя раздену.

Она сняла с него рубашку, брюки, сдёрнула панталоны.

Потом прижалась к нему:

– Ты хочешь меня?

Он ничего не ответил, но этого и не требовалось. Она мягко подтолкнула юношу к неширокой, ещё мальчишеской кровати.

В этот раз всё было быстро, как она и предполагала, но зато Мария ощутила, что Пётр теперь не сможет без неё. И это было главным её достижением.

Она постепенно, день за днём вводила юношу в мир физического удовлетворения, и он всё более подпадал под её влияние. О занятиях было забыто. Пётр старательно подтирал в дневнике оценки, переправляя их на хорошие, и отец что-то заподозрил. Он собирался ехать в реальное училище, где сын учился, чтобы поговорить с преподавателями и на-

нять, если необходимо, репетитора.

– Мариша, я люблю вас и не могу без вас жить, – признался однажды Пётр.

– Петруша, у меня есть муж – твой брат, и наши дети. Что ты предлагаешь, разойтись с ним и остаться жить с тобой? Нет, нам надо прекратить отношения. Окончишь своё реальное училище, у тебя появится девушка, ты на ней женишься.

– Не нужна мне никакая девушка, я люблю только вас. – Пётр упал перед ней на колени и закричал: – Что же мне делать, что же мне делать?!

– Не знаю, мне надо идти, меня ждёт муж.

И Мария покинула комнату юноши.

На следующее утро Петра в этой самой комнате нашли повешенным.

Официальная версия семьи была такова, что юноша, подделавший оценки, испугался отца, тот был известен своим крутым нравом. Но все в городе говорили, что это невестка влюбила в себя парня и бросила.

Мария же приобрела опыт. Теперь она испытывала наслаждение, нравственно истязая мужчин.

Глава восьмая. Свободная жизнь

Ах, этот Киев! Прекрасный южный раскованный город. Белая кипень садов насыщает его весной, романтический Андреевский спуск и Десятинная церковь создают силуэты древней таинственности. Высоки кручи над Днепром, и гладь его широка, и «редкая птица долетит до его середины».

Город без перерыва... Днём торгуют лавки, работают различные конторы, а ночью открываются двери игорных домов, кафешантанов и увеселительных заведений. Отовсюду слетаются на его призывные улицы богачи, желающие покутить от души, множество ресторанов и публичных домов на любой вкус и кошелёк ждут их. Секретные заведения с «полушёлковыми» проститутками стали очень модными. Хочешь молоденькую гимназистку – пожалуйста, курсистку – нет проблем. Девушки из приличных домов будут, конечно, подороже, но и с ними проблем нет. Смело заходи в дверь под вывеской дантиста или модной мастерской в самом центре города, там всегда найдёшь то, что тебе по душе.

Из Парижа, Вены, Берлина заезжают в Киев на гастроли дорогие европейские кокетки⁷. Город наполнен богатыми повесами, и здесь можно хорошо подзаработать. Эти щедрые русские, в отличие от прижимистых европейцев, сво-

⁷ Кокотка – (фр.) курочка. В обществе – женщина лёгкого поведения, живущая на содержании у мужчины.

бодною рукою тратят деньги на приглянувшуюся даму, исполняют любой каприз. А уж если ты приглянулась посетителю, если сумела проявить всё своё искусство и доставить мужчине неземное удовольствие, тогда он твой. Тогда все его деньги перетекают к тебе в знак благодарности, тогда ты сможешь овладеть им. И неважно, опустошишь ли его кошелёк или есть постоянный источник пополнения доходов, главное, чтобы денежный поток не кончался.

Сотни притонов пополнялись барышнями постоянно, на них охотились «людоловы». Среди них были и селянки, и горожанки, попавшие в незнакомую обстановку, часто безвыходное положение заставляло их искать источник заработка, торгуя своим телом.

Мария и Василий были весьма заметной парой в городе, многочисленные друзья и знакомые, с которыми они проводили время в ресторанах и притонах, выделяли их из остальных. Они не стеснялись себя в тратах, на ходу приобретали новинки моды. Когда надоедали киевские заведения, уезжали за границу, в Италию или Францию, где искали новых впечатлений и знакомств. Даже рождение дочери через два года после первого ребёнка не смогло надолго остановить этот поток веселья и свободы.

Первый звоночек прозвучал во Флоренции, где Мария заразилась тифом.

Этот город, как и вся Италия, неизменно привлекал молодых супругов в их заграничных вояжах. Здесь на берегу

реки Арно среди плодородных равнин зародилось европейское «Возрождение», здесь творили величайшие живописцы, скульпторы и литераторы мира: Микеланджело, Боттичелли, Донателло, Медичи, Леонардо да Винчи, Савонарола, Макиавелли, Бокаччо, Данте Алигьери. Здесь благоговейно сохранялись сотни тысяч бесценных творений искусства.

Оставив детей под опекой нянюшек в Качановке, они срывались на две-три недели в это священное место европейской цивилизации. Сняв номер в престижном отеле в самом историческом центре города, они бродили по узким улочкам, любовались мостом Вьякке через Арно, фонтаном Нептуна на площади Сеньории, посещали галереи и соборы.

А вечером отдыхали и расслаблялись под чудесную итальянскую музыку в роскошном ресторане, потребляя необыкновенно зажигательное вино из местных виноградников.

– Васюк, что-то я себя сегодня плохо чувствую, – призналась Мария мужу после возвращения с прогулки по городу.

– А что случилось, может быть, поела чего-то?

– Да нет же, вместе кушали.

– Ну, ты сможешь пойти сегодня в ресторан?

– Нет, я не смогу, мне очень плохо.

– Там сегодня нам обещали настоящее кьянти, на горлышке бутылки чёрный петух.

Мария молчала, ей уже было трудно говорить.

Василий молча вышел, он не захотел пропускать вечер и

не попробовать прекрасного вина. Воротился в отель только под утро, пьяный. Мария лежала без сознания. У супруга хватило духа спуститься к портье и попросить вызвать карету скорой помощи.

В больницу Василий явился только во второй половине дня, едва проспавшись после бессонной ночи. К супруге его не пустил врач:

– Она без сознания, высокая температура, горячка...

– Я только на одну минуту, посмотрю на неё.

– Смотреть на неё не надо, – отвечал врач, – она в тяжелейшем состоянии, мы боремся за её жизнь.

– Когда я смогу навестить жену?

– Через пару дней будет ясно, сможет ли она преодолеть кризис...

Оставив позади больничный корпус, Вася совсем не чувствовал себя подавленным от горя, скорее наоборот. Внутри поднималась какая-то восторженная радостная волна. Вот теперь он сможет гулять свободно и пить сколько хочет, он отомстит ей за смерть брата, будет изменять с любой понравившейся дамой.

Через два дня Василий приехал в больницу. Доктор разрешил взглянуть на супругу издали, от двери. Мария лежала бледная, с запавшими щеками и закрытыми глазами, казалось, она не дышала.

– Кризис ещё не миновал, но мы делаем всё, что возможно, – пытался успокоить его врач. – Она иногда приходит

ненадолго в сознание, но это ничем не может помочь.

– Доктор, скажите честно, она умрёт?

– Мы пытаемся спасти её жизнь, но силы медицины не беспредельны, как и человеческие.

Василий пустился в разгул, приводил в свой номер разных женщин, иногда навещал супругу. Получалось так, что с доктором беседовал в той большой комнате, служившей больничной палатой, где кровати больных были отделены плотной занавесью. Однако Мария, приходя в сознание, иногда слышала, как муж пытался узнать у доктора:

– Скажите же мне наконец правду, когда же она умрёт?

Вначале врач удивлённо смотрел на посетителя, успокаивая его:

– Пока она находится в тяжёлом, но стабильном состоянии, если что-то случится, мы вам немедленно сообщим.

Потом привык и не удивлялся неприкрытому желанию посетителя услышать о том, что супруга умирает.

Мария сквозь бред и забытье слышала и понимала разговор. И в редкие минуты сознания она внушала себе, что не умрёт, а будет мстить Ваське, и это придавало силы её организму.

Наступала следующая стадия отношений.

Через три недели она поднялась: исхудалая, страшная, чёрная, глаза ввалились, осталась лишь тень от былой красавицы. Но это была уже другая женщина – решительная, смелая, неукротимая, повелевающая мужчинами, как раба-

ми. Она поставила перед собой цель – стать ещё прекрасней, чем прежде.

Амбициозный хозяин имения Качановка, славящийся широкими жестами и не считающий денег, вдруг понял, что находится на грани разорения. Он продал имение, а вырученную сумму разделил на три равных части: себе, дочери и сыну Василию. Переехал в Москву и жил на съёмной квартире. А через пару лет, не выдержав переживаний и внезапного разорения, умер.

У Василия после раздела оставалось 500 тысяч рублей. На эти деньги супруги снимали квартиру в Киеве и прикупили ещё небольшое имение.

Теперь не было надзора строгого тестя, и супруги пустились в разгул. Причём если поначалу Василий таскался по увеселительным садам и борделям Ямской улицы в одиночку или в компании холостяков и девиц, то позже брал с собою жену. Он с удовольствием делился с Марией сексуальными позами и трюками, которым научился у проституток и любовниц.

Однажды Мария не выдержала:

– Что это только тебе удовольствие получать? Я тоже хочу туда сходить.

– Конечно, конечно, – с готовностью подтвердил Вася, – вот увидишь, тебе понравится.

– Только я буду инкогнито, никто не должен меня видеть.

– Ты можешь быть в маске, мы будем заниматься любо-

вью втроём, выберешь сама ту, которую захочешь. Это будет разврат высшего класса.

В ту ночь супруги возвратились домой под утро, усталые и пьяные, с многочисленными следами любви на телах.

Такое веселье продолжалось с неизменной комбинацией состава участников. То их было четверо: две пары менялись партнёрами, то двое мужчин и одна Мария. Ах, эта Яма! Насыщенная борделями Ямская улица. Здесь разрешалось всё, великосветской даме доставляло несравненное удовольствие опускаться на самое дно и испытывать жгучие сладострастные ласки партнёров. Здесь не было никаких преград, и дворянское общество, столетиями вырабатывавшее кодекс поведения своих представителей, пришло бы в ужас, если бы узнало все подробности. Но и того малого, что проникало сквозь конспирацию Марии Николаевны, хватило для того, чтобы её прекратили приглашать во многие приличные дома Киева.

В начале XX века образ роковой женщины вошёл в моду. Его воспевали и поддерживали самые известные писатели и художники России. Героиня их произведений должна была манипулировать мужчинами, разбивать их сердца, подчинять своей воле, заставлять мучиться и страдать, доводить до самоубийства. Мария Тарновская выбрала удачный момент, она появилась в нужное время, когда все желали видеть такую женщину не только в произведениях искусства, но и наяву, во плоти. И судьба предоставила публике такую

возможность.

Вскоре беспорядочное времяпрепровождение начало наскучивать Марии, физическое удовлетворение похоти с разными партнёрами не представляло возможности манипулировать мужчинами в полной мере. Кроме того, она понимала: денег надолго не хватит, от первоначальной суммы уже осталось только 180 тысяч. Её натура требовала от мужчин роскоши и повиновения. Она прекрасно выглядит, привлекательна и порочна, мужчины не сводят с неё глаз. Самое время избавиться от супруга, найти другую партию или жить с разными любовниками, не жалеющими для неё денег.

Вначале Мария решила раскатать ситуацию, проявив недюжинное актёрское дарование. Как-то рано утром, когда Василий ещё нежился в постели, она встала и начала одеваться.

– Ты куда это собралась, Манюня? – сонным голосом спросил муж.

– Я сейчас приду, выйду ненадолго.

Василий задремал, а когда проснулся окончательно, Марии рядом не было. Не найдя её дома и во дворе, решил дожидаться. До позднего вечера в раздражении бродил он из комнаты в комнату, но Мария так и не появилась. Тогда собрался и уехал в клуб. Возвратился глубокой ночью, застав жену в спальне.

– Где ты была? – спросил грубовато.

– Где была, там меня уже нет, – в тон ему ответила супру-

га.

– Ты замужем, не забывай этого, и шляться по ночам неизвестно где – значит порочить и моё имя.

– Я свободная женщина и могу заниматься, чем хочу. Кто ты такой, чтобы ограничивать мою свободу?

– Я пока ещё твой муж.

– Вот именно, пока...

Мария повернулась и покинула спальню.

Василий ушёл в свой кабинет и смог заснуть неглубоким сном лишь под утро, усталый, раздосадованный, издёрганный. Но вдруг почувствовал, что кто-то украдкой входит в кабинет. Вскочил и увидел привидение – женщину в белой одежде с распущенными волосами. Оно грозно надвигалось на него.

– Брысь, – Васёк схватил подсвечник, – убью...

– Это я.

– Что случилось? – Он едва узнал жену в казавшемся страшным бледнолицем привидении.

– Я... я отравилась и должна умереть. Пришла с тобой проститься. Зови скорее детей.

– Сейчас, сейчас!

Вася выскочил из комнаты и вскоре вернулся, таща полусонных детей.

Мария как ни в чём не бывало сидела за столом, закинув ногу за ногу.

– Мне немного лучше, пойду полежу, может, пройдёт.

Супруг, ещё не отошедший от потрясения, увёл детей в детскую.

В другой раз горничная, услышав дикие крики из гостиной, поспешила туда. Мария Николаевна лупила железной шкатулкой по колену супруга и кричала истошным голосом.

– Караул! Убивают!

Горничная постояла в недоумении и покинула помещение.

Чуть позже она спросила:

– Барыня, а зачем вы кричали в то время, когда били мужа?

– Ха-ха! – усмехнулась Мария. – Надо уметь жить, дитя моё. Надо бить, а самой кричать.

И в этом было всё её кредо.

Теперь она уже разрабатывала далеко идущие планы: надо искать поклонников, в основном среди бретёров⁸, наглых, самоуверенных мужчин, жаждущих драки и скандала. В таком случае она предусматривала два варианта, и оба её устраивали. Первый – если муж будет драться на дуэли и его убьют, то всё наследство достанется ей, к тому же она станет свободной. Второй вариант – если муж убьёт соперника, то его ждёт каторга, в этом случае она с ним разведётся и наследство всё равно достанется ей.

⁸ Бретёр (фр. от brette – шпага) – заядлый, «профессиональный» [дуэлянт](#), готовый драться на дуэли по любому, даже самому ничтожному поводу. В более широком значении – задира, забияка, скандалист.

Глава девятая. Любовник

Павел Голицын

В один из летних дней 1899 года супруги решили посетить прекрасную Венецию, излюбленный богатыми русскими путешественниками итальянский город каналов и мостов. Ужиная с супругой в ресторане, Василий обратил внимание на молодого человека, крикнувшего по-русски официанту, только что принявшему у него заказ:

– Да шампанского ещё не забудь, братец!

Василий подошёл к столику:

– Добрый вечер! Давно ли из России?

– Только вчера приехал. А вы?

– И я с супругой только вчера, так переходите за наш столик, всё веселее будет.

– С удовольствием.

Молодой человек перешёл за столик Тарновских и представился:

– Граф Павел Голицын.

– Василий Тарновский, а это моя супруга Мария Николаевна, тоже из графского рода.

Немедленно завязался оживлённый разговор, который зачастую случается с русскими людьми, заброшенными по какой-то причине в другую страну.

– Вы из каких Голицыных? – поинтересовался Василий.

– Да из ветви Алексеевичей. Это мой предок – московский генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович – получил титул светлости.

– Так мы с вами и дальние родственники, у меня прабабка из этого рода.

– Вот как здорово, а познакомились здесь, далеко от родных мест. Моя супруга – княгиня Трубецкая, мы с ней разъехались, не смогли ужиться. Из-за неё, из-за скандалов, и на службе у меня неприятности случились.

– Вы где служите?

– Майор в одном из гвардейских полков в Петербурге.

– А переведитесь к нам в армейский полк, который в Киеве квартирует, там служба не такая строгая, как в гвардии.

– Это интересное предложение, Киев притягательный город. По приезде из отпуска немедленно подам прошение.

Не ведал Василий, что сам по доброте душевной большую проблему себе сыскал. Все оставшиеся до отъезда дни молодые люди проводили вместе. Граф и не думал скрывать своей симпатии к Марии, но всё это было легко и непринуждённо, как бывает среди молодых людей. Энергичной амбициозной женщине такое отношение холостого гвардейского офицера явно нравилось. Богат, красив, знатен, уже свободен, как раз то, что нужно.

Вскоре Павел переехал в Киев и начал регулярно назначать свидания Марии. Посредницей и адресатом для получения писем служила её французская горничная Абелия. В

очередном письме он назначал встречу в гостиничном номере, который снял специально для свидания: «Боже, как я люблю тебя, как я хочу тебя! Если ты не приедешь и в этот раз, я сойду с ума. Я не могу спать по ночам, я вижу тебя, как будто ты рядом, я обнимаю тебя, целую тебя, и мы в экстазе забываем обо всём. Приезжай, я жду с нетерпением и волнением. Павлуша».

«Ну всё, кажется, Павлик уже созрел, пора брать быка за рога, – рассуждала Мария, собираясь на встречу. – Сегодня будет контакт, надо подготовиться, обдумать план действий, преподать себя в лучшем виде, чтобы он окончательно упал к ногам».

Три часа в гостинице любовники предавались плотским утехам. Мария закрепляла достигнутые успехи, заставляя Павла вновь и вновь испытывать необыкновенное удовольствие от близости. Казалось, что силы сейчас покинут измотанного майора, но искусная соблазнительница ласками, губами и телом вновь приводила его в боевое положение. Наконец она оставила Павлушу, когда он, всё ещё находясь в возбуждении, уже ничего не мог...

Мария не хотела оставаться на ночь, чтобы не нарываться на очередные вопросы Василия, да в этом и не было особого смысла, Павел был безумно влюблён и способен ради неё на всё, теперь можно было приступать и к центральной части плана.

Прошло совсем немного времени, и о встречах любовни-

ков знал уже весь город, только супруг, как это и бывает, не замечал ничего, вернее, замечать не хотел. Он и сам частенько любил с приятелями и приятельницами отдохнуть в ресторане, но сейчас это уже происходило порознь с женою.

В июне 1899 года заехал Василий на почтовую станцию за корреспонденцией для себя, жены и Абелии. Просматривая конверты, он заметил, что адрес горничной написан мужским почерком, а письмо отправлено из Киева. Что бы это могло значить?

Не торопясь, вскрыл конверт и прочёл: «Мариша, любимая! Дни, которые я провожу без тебя, кажутся мне пустыми и долгими. Я горю в огне, лишь только вспоминаю о тебе, представляю так ясно, что кажется, протяну руку и дотронусь до твоей бархатной кожи. Всё во мне переворачивается. Если я не смогу видеть тебя, бесконечно дорогого друга, рядом с собою, покончу жизнь самоубийством. Приди же ко мне, любимая, явись! Я – у твоих ног.

Навеки твой Павлуша».

Руки у Василия дрожали, настолько он был переполнен гневом и ненавистью.

«Что делать, что? Убить её, а потом себя. Нет, я не смогу. Ладно, поговорю с ней вечером. Нет, говорить ей не ничего не буду. Если начнёт просить развод, детей не отдам. А где эта Абелия⁹, эта пастушка, прикидывающаяся простушкой? Вот с кем мне надо поговорить».

⁹ Абелия (фр.) – пастушка.

Воротившись домой, немедленно пригласил француженку к себе в кабинет.

– Это что такое? – грозно надвигался Василий на симпатичную худенькую девушку. – Ты занимаешься подлыми делами за моей спиной.

– Я всего лишь исполняю приказания госпожи, хозяин. Даже не знаю, что там внутри.

– Не лги, не прикидывайся, ты прекрасно знаешь, где и с кем проводит время госпожа.

– Я догадываюсь, конечно, но это не даёт мне права рассказывать об этом.

– Из-за тебя я вынужден быть рогоносцем в глазах всего городского общества.

– Но не я тому причиной, хозяин.

– Ты могла бы заявить мне об этом и этим бы спасла честь моей семьи.

– Но я потеряла бы свою честь, Василий Васильевич.

– Теперь ты потеряешь место. Вон из моего дома, чтобы через час духу твоего здесь не было!

Девушка попятилась и выскочила из кабинета.

Василий плюхнулся на кровать и принялся на все лады ругать жену. «Подлая изменщица, забыла, на чьи деньги живёт. Ну, я ей покажу, вызову на дуэль этого любителя чужих жён. Проституток ему мало». Потом, остынув, признался себе, что любит Марию и совсем не хочет её лишиться. Решил, что будет делать вид, будто ничего не знает.

Но это совсем не входило в планы Марии Николаевны. Она подталкивала Павла к дуэли. Как-то они встретились на Киевском вокзале.

– Здравствуй, Павел, рад тебя видеть! Куда едешь?

– Здравствуй, Вася! Собираюсь навестить родные пенаты.

– Ну, служба здесь идёт лучше?

– Конечно, спасибо тебе. Как поживает Мария Николаевна?

При этих словах лицо у Василия слегка вытянулось:

– Хорошо, спасибо, – он сразу заторопился, – разреши откланяться, спешу.

Поклонился сухо и ушёл.

Павел писал: «Мариша, мне очень трудно без тебя. Что ты со мною делаешь? Упрекаешь, что я не воспользовался попыткой, когда встретил его на вокзале. Но я не смог, он был так приветлив и предупредителен, ведь мы пока ещё друзья. Я не нашёл повода, чтобы вызвать его».

Она отвечала: «Так-то ты хочешь быть со мной, так-то ты меня любишь. Мужчина ты, в конце концов, или нет? Через месяц мы едем в Ниццу. Приезжай и ты туда. Это шанс...»

Лето уже было в самом разгаре. В прекрасном французском городе у моря любила проводить свой отдых уважаемая российская знать. По широкой набережной вдоль золотых песков пляжа прогуливались парами и целыми компаниями отдыхающие. Сквозь смех и взвизгивания дам слышалась русская речь. Призывно манили огни бесчисленных

ресторанчиков и кафе, расположенных за стройными рядами пальм.

Мария специально уговорила мужа прогуляться по набережной в надежде встретить здесь Павла. Уж у неё-то на глазах он не струсит.

Увидев идущего навстречу майора, она слегка отодвинулась от супруга. Павел ускорил шаг и, подойдя ближе, крикнул вместо приветствия:

– Оставь её, она моя!

Он попытался при всех ударить Василия, но тот успел отклонить удар и вlepил наглomu майору пощёчину. Отступить было некуда.

– Мой секундант предупредит вас о времени и месте.

В тот же день Василий попросил князя Кутепова, с которым не раз проводил вечера в холостяцкой компании, быть его секундантом.

– Я встречусь с секундантом Голицына и поговорю о примирении, – предложил князь.

– Я не соглашусь, да и он, наверное.

– Но я всё равно попробую.

Кутепов вернулся к вечеру:

– Примирение не состоится. Драться будете сначала на пистолетах, потом на шпагах, если понадобится. По французскому дуэльному кодексу драться до первого ранения.

Секунданты отсчитали 10 шагов и установили барьер.

После команды сходиться дуэлянты пошли навстречу

друг другу. Василий выстрелил первым в воздух. Павел выстрелил, и пуля лишь слегка царапнула предплечье.

Подбежал Кутепов:

– Как ты?

– Нормально, давай шпагу.

Василий прекрасно знал, что Павел лучше него владеет этим истинно французским оружием. Дуэль длилась недолго, майор сделал выпад, и шпага вонзилась в левую руку Василия.

На следующий день в знаменитой французской газете «Фигаро» появилась заметка: «Два представителя русских княжеских родов устроили дуэль. Дрались по французскому кодексу до первой крови. Зрителей было мало».

С Павлом Голицыным Мария рассталась немедленно. План её сорвался, но она была не из тех женщин, которые отступают при первой неудаче. Надо было искать нового претендента и разрабатывать генеральный план «сражения».

Глава десятая. Боржевский

Весной 1903 года Тарновские ужинали в ресторане вместе с другом Василием Михаилом Воронцовым.

Заметив кого-то за дальним столиком, Михаил обратился к супругам:

– Хотите, я познакомлю вас с интересным человеком? Он поляк, наших лет, имеет поместье и крестьян, но за свою широкую натуру вынужден был бежать из Варшавы.

– Как это за широкую натуру? – переспросил Вася.

– Он бретёр, большой охотник до женского полу, денег собственных нет, но живёт на какие-то странные средства, неизвестно от кого получаемые. Живёт широко и разгульно, постоянного места не имеет. Видимо, большой скандалист, за что и попросили его из Польши.

Василий интуитивно почувствовал беспокойство:

– Нет, друг, не нужен нам такой знакомый.

– А мне интересно, представьте его нам, Михаил, – немедленно отреагировала Мария.

Василий хотел было возразить, но жена, не отрывая взгляда от указанного Михаилом человека, одёрнула его:

– Мне скучно в компании с тобой, я хочу новых впечатлений!

Мария, конечно, лукавила, как это умела делать только она. Её привлекло то, что незнакомец бретёр, а значит, по-

являлся вариант строить далеко идущие планы.

Михаил встал и направился к незнакомцу. Подойдя к его столику, наклонился и что-то произнёс, кивнув в сторону Тарновских. Тот пристально посмотрел на сидящую пару, кивнул, встал и в сопровождении Воронцова направился к ним.

«— Разрешите представить: Стефан Здиславович Боржевский, помещик», — произнёс Михаил, — а это — Мария Николаевна Тарновская. — Боржевский обогнул столик.

— Разрешите вашу руку, мадам?

Мария протянула руку и ощутила, как её коснулись ищущие губы поляка.

— А это — Василий Васильевич Тарновский. — Боржевский сухо кивнул, по-видимому, своим звериным чутьём признав в нём слабого и трусоватого мужчину.

— Присаживайтесь за наш столик, — предложил новому знакомому Воронцов.

Тот сел и сразу же почувствовал к себе внимание женщины, получив от неё вопрос:

— Расскажите о себе, господин Боржевский, чем занимаетесь, что привело вас в наш город?

— Я, мадам, человек свободной профессии, признаюсь, что люблю сильных мужчин и красивых женщин. Но слабаков не признаю и презираю. Я — щедрый и миролюбивый человек, но если кто-то меня оскорбит, стреляюсь с таким «на два шага».

– Ой, как интересно! А как это – «на два шага»?

– А это, мадам, расстояние, с которого невозможно промахнуться. Я бью наверняка.

Мария ощутила даже некоторую симпатию к этому человеку, так ей необходимому. Теперь осталось совсем лёгкое – сделать его орудием в своих руках.

– Да, вы необыкновенный человек, Стефан Здиславович, мне нравятся такие brutальные мужчины.

Мария улыбнулась, сверля нового знакомого своим глубоким, притягивающим, пронзающим, гипнотизирующим взглядом, чтобы он понял, что симпатичен ей. Это был первый шаг в отработанной программе покорения мужчин.

* * *

С этого момента Боржевский начал преследовать супругов нагло и самоуверенно. Если ему нравилась женщина, он делал всё, чтобы покорить её, чтобы она заняла место в его постели. Где бы ни появлялись Тарновские: в ресторане, театре, на скачках, поляк, как будто случайно, оказывался рядом.

Как-то раз Василий Васильевич задержался в Киеве на несколько дней, супруга же принимала Боржевского в их имении, которое они приобрели после раздела наследства отца. Неожиданно, когда ещё не все дела были окончены, Василий получил телеграмму: «Срочно приезжай с хирур-

гом». Что там случилось, в волнении думал Василий, не смея предположить что-то ужасное. Всю дорогу до имения он не мог найти себе места, и хирургу пришлось его успокаивать.

При входе его встречала Мария:

– Васюк, давайте скорее, Владислав Стефанович умирает.

– А что он тут вообще делает?

– Пойдёмте быстрее, я расскажу по дороге.

Все кинулись во внутренние покои, а Мария тараторила на ходу:

– Ты же знаешь, я люблю стрелять из револьвера. Пригласила Боржевского, чтобы пострелять с ним в тире. Он ставил мишень, а я случайно нажала на курок и попала ему в руку.

Хирург перевязал рану и успокоил:

– Ничего страшного, пуля в мягких тканях. Скоро заживёт.

Боржевский сразу уехал, а вечер у супругов закончился скандалом.

– Мне надоели эти твои свидания, – с горячностью обвинял супругу Василий.

– Я могу сказать тебе то же самое, но сдерживаюсь, – отвечала Мария.

– Я люблю тебя и не хочу, чтобы тебя, твоего тела касались чьи-то грязные руки.

– Почему же ты не говорил мне это, когда мы прекрасно проводили время в борделях Ямской улицы?

– Я был молод, глуп и развращён своим окружением.

– Каждый становится тем, кем он очень желает стать, – решила философски закончить этот неприятный разговор Мария.

– Давай с тобой уедем куда-нибудь далеко-далеко, где не будет этого твоего ухажёра.

– Куда?

– Ну, к примеру, в Баден, там можно прекрасно отдохнуть на водах.

На второй же день пребывания на курорте, гуляя по местному парку, супруги увидели идущего им навстречу Боржевского.

– Ба, какая встреча, – выразил радостное удивление Стефан Здиславович, – а мне врач рекомендовал лечить свою раненую руку в этих целебных источниках.

Василий, конечно, догадался, от кого поляк узнал время и место их пребывания, но спрашивать супругу не стал, чтобы не нарываться на новый скандал. Боржевский продолжил свои недвусмысленные ухаживания за Марией. Здесь, на курорте, на фоне расслабленного отдыха у этой парочки появилось время и место для встреч. После одного из вечерних моционов в глухих местах парка, с объятьями и поцелуями, Стефан Здиславович предложил:

– Я снял номер в небольшой гостинице, приглашаю вас, моя прекрасная Мариша, отужинать там сегодня со мной.

Недолго думала Мария, она решила: «Пора уже и отдаться любвеобильному поляку и посмотреть, каков он в постели.

А то бывает – в ухаживаниях и словесах орёл, а в постели – общипанный петух».

С этого дня они стали любовниками.

Осенью супруги вернулись домой из Германии, и с ними, как будто случайно, вернулся Стефан Здиславович. У Василия появились торговые дела в Киеве, и он часто и подолгу там оставался. Боржевский тем временем переселялся в усадьбу, где оставалась с детьми Мария. Днём они обедали в столовой всей семьёй, а ночью, когда дети засыпали, неутомимый поляк пробирался в жилой усадебный дом и занимал место в чужой супружеской постели. Если хозяин собирался приехать, он непременно давал телеграмму с тем, чтобы его встретили на железнодорожной станции, от которой до усадьбы было ещё 25 вёрст. И тогда горничная Настасья Ивашева запрягала господскую бричку и, севши за кучера, отвозила пылкого любовника в ближайшую гостиницу от греха подальше. За эту услугу Стефан Здиславович подарил ей женские золотые часики на цепочке, которые стоили неизмеримо дорого.

Мария Николаевна, по примеру французских кокоток, завела себе прислугу, которая была посвящена во все амурные дела госпожи и помогала ей избегать прямой встречи любовников с мужем. Самой доверительной была Настасья Ивашева, кроме неё в курсе тайной жизни госпожи были и другие служанки, а также лакеи и даже швея.

В предзимье похолодало, оставаться в имении, находя-

щемся в 250 верстах от Киева, уже не было никакого смысла, и семья задумала переехать в город.

– Надо только подыскать новую хорошую квартиру, – почесал в затылке супруг, – порасспрашиваю-ка я знакомых.

– У меня есть вариант, – неожиданно быстро откликнулась Мария, – дом Гинцбурга на Николаевской. Такая милая квартирка на четвёртом этаже. Посмотрим?

Квартира была одобрена, и вскоре семья переехала. Одного только не заметил Василий – чёрного хода, выходящего на Институтскую. А если бы и заметил, не обратил бы внимания. А зря. Как только муж отправлялся в клуб, а посещал эти заведения он частенько, подкупленный швейцар Пузырников звонил Стефану Здиславовичу в гостиницу «Париж» на Подоле. Тот немедленно являлся и поднимался на лифте к возлюбленной.

Если же Василий возвращался, проходя мимо Пузырникова и задержавшись, чтобы переброситься парой слов, швейцар немедленно предупреждал Боржевского:

– Идёт.

И влюблённый поляк исчезал через чёрный ход, нащупывая в кармане взятый на всякий случай револьвер.

А то придумывала Мария Николаевна причину, по которой ей срочно надо было посетить усадьбу.

– Васюк, прошу тебя, побудь, пожалуйста, с детьми, я вернусь быстро.

Супруг недовольно крутил головой, но отказать жене не

мог, тем более очень любил детей, и побыть с ними лишний раз было ему совсем не в тягость.

– Ладно уж, если ты просишь...

Мария брала два билета на себя и горничную Ивашеву в купе первого класса, а Стефан Здиславович для себя – в третьем. Через некоторое время Боржевский приходил в купе первого класса, а Ивашева шла в купе третьего. Лишь закрывалась дверь за горничной, влюблённые бросались в объятия друг друга. Они быстро освобождали себя от одежды и начинали возбуждающие игры, такие пикантные под стук колёс на стыках. Маленькое купе рождало фантазию замысловатых поз и пробуждало устойчивый ритм, совпадающий со стуком колёс. Это так возбуждало, что влюблённые, предаваясь страсти, не замечали, как текло время. Горничная возвращалась, тихонько стуча в дверь, чтобы дать им возможность одеться и привести себя в порядок.

Василий, конечно, замечал то, что не заметить было невозможно, но до поры не признавался в этом. Однако по прошествии нескольких месяцев больше терпеть такого бесчестия уже не мог.

Он чувствовал реальную опасность и умолял супругу прекратить порочащее знакомство, но она только смеялась.

– Хочешь, я на колени перед тобой встану? – Супруг опустился на ковёр. – Ты губишь нашу семью, ты променяла меня на какого-то бандита... – Эмоции переполняли его, Василий разрыдался.

Мария лишь презрительно смерила мужа взглядом. «Подожди, недолго тебе осталось», – подумалось ей. А вслух сказала легко и непринуждённо:

– С чего это я должна с кем-то начинать или прекращать знакомство по твоему хотению? Он мне нравится.

У Василия болело сердце, он не чувствовал рук, отчаянье и расшатанные вконец нервы привели его на грань помешательства.

Мария Николаевна не была влюблена в Боржевского, она вообще вряд ли могла кого-то полюбить. У неё было множество любовников из разных слоёв общества: студенты, офицеры, чиновники, адвокаты, но пылкий поляк нужен ей был для определённых целей. Её донимали скандалы и слёзы Васи, и она доверительно жаловалась горничной:

– Знаешь, Настя, он мне так надоел со своими слезами. Тряпка какая-то...

Всё сводилось к тому, что от Василия надо было избавляться любым способом, но желательно таким, который бы к полученной свободе прибавил бесконечные деньги.

* * *

В знаменательный день 21 ноября 1903 года муж и жена Тарновские были приглашены на бал. Давал его барон Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн. В отпрыске древнего немецкого обрусевшего рода соединились воедино

самые значимые оттенки внешности и характеров предков. Красивое мужское лицо с прямым носом и тонкими чертами римского легионера сразу привлекало внимание женщин. Заядлый бретёр, азартный игрок и драчун, Владимир окончил университет и удачно женился на дочери профессора медицины, давшего за неё миллионное приданое. У барона Гольштейна за плечами было уже несколько дуэлей, и секундантом он был не раз. Однажды, приняв на грудь изрядное количество спиртного на большом застолье в общественном саду, он подрался с Павлом Голицыным (тем самым), и тот раскроил ему череп. А потом и сам ударил одного из осмелившихся остановить его приятелей по голове чем-то тяжёлым.

Барон был в дружеских отношениях с Боржевским, он и пригласил супружескую пару Тарновских на бал с согласия Владимира. Как обычно, Мария вела себя вызывающе, танцевала с Боржевским, прижимаясь к нему тесно на глазах у всей публики. Василий сидел как истукан, чувствуя себя оплётанным, ему оставалось только пить для успокоения.

Владимир, который не мог пропустить ни одной милостивой женщины, появляющейся у него на горизонте, тихо попросил Боржевского:

- А познакомь-ка меня, дружище Владик, вон с той дамой, – он показал в сторону Марии.
- С удовольствием познакомлю, но не забывай, что она моя.

– Уж не думаешь ли ты, что я намерен отбивать её у тебя, наоборот, рад, что ты вхож в такую прелестную женщину. – Барон подмигнул товарищу.

– Пойдём, я тебя представлю.

Подошли к столику, за которым сидела пара Тарновских, и Боржевский, не обращая никакого внимания на сидевшего с каменным лицом Василия, представил:

– Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн. – Барон поклонился, не сводя глаз с женщины. – Мария Николаевна Тарновская – самая прекрасная женщина Киева.

Владимир, смотря прямо в глаза Тарновской, проговорил:

– Я восхищён вами, мадам. Вы позволите? – Он взял её руку и прижался к ней губами, нарочно затянув поцелуй, к явному неудовольствию Стефана Боржевского. – Разрешите пригласить вас на танец?

* * *

Когда Мария в сопровождении барона возвратилась к столику, Василий уже дошёл до кондиции, и ему было всё равно, что подумают вокруг.

– Долго ещё ты будешь позорить меня и прижиматься к этому хлыщу, как проститутка из борделя?! – закричал он жене.

– Закрой свой рот, оттуда уже давно ничего доброго для меня не исходит, только грязь.

– Это ты купаешься в грязи и только грязи достойна!

– Давай, оскорбляй меня, ничтожество, ещё рукоприкладством займись! – громко кричала Мария, явно рассчитывая на привлечение внимания присутствующих.

– И займись, у меня руки чешутся, да положение не позволяет, – Василий сбавил тон, – пошли отсюда, а то поляк сейчас вцепится в тебя, как клещ.

Тарновские покинули бал, но назавтра Мария встретилась со Стефаном Здиславовичем:

– Посмотри, как меня избивает муж, на людях старается вести себя прилично, а дома буквально измывается надо мной. – Мария Николаевна расстегнула блузку и показала любовнику большой синяк на груди.

– Негодяй! – Боржевский вскипел и забегал по комнате. – Клянусь, я сделаю всё, чтобы избавить тебя от этого садиста.

Через три дня Василий получил записку:

«Уважаемый В. В. Убедительно прошу Вас встретиться со мною сегодня. Назначьте мне только время и место».

Василий ответил:

«Уважаемый С. З. Через полчаса я буду в “Гранд-Отеле”».

Он знал, в какой гостинице остановился любовник жены.

Конечно, всё было подстроено заранее. Боржевский посвятил приятеля барона Владимира в дело:

– Хочу попросить тебя находиться в соседнем номере во время моего разговора с Тарновским.

– Что я должен делать?

– Внимательно слушай, что происходит в комнате, возможно, критический случай потребует твоего вмешательства.

* * *

Хозяин номера встретил Василия в дверях:

– Хочу сразу приступить к делу, я люблю Марию Николаевну, мы с нею любовники.

Тарновский побледнел. Не то что он был оглушён этим известием, но сама форма, в которой оно было изложено, откровенная наглость и выбранное место сильно на него подействовали.

– Как вы смеее так заявлять?

– Смею и ещё обещаю, что никому не позволю обижать эту женщину. Она рассказала мне о том, какому насилию подвергается от вашей персоны. Я взялся защищать её. Прошу немедленно дать ей развод.

– Это наше с ней дело, – опомнился Василий.

– Это и моё дело, потому что она моя любимая женщина. Если ты от неё не отстанешь, буду бить тебя смертным боем, как последнюю собаку. Я и сейчас хотел убить тебя, а потом себя, но передумал. – Боржевский вытащил из кармана револьвер.

– Предлагаю стреляться на расстоянии двух шагов.

Тарновский долго молчал, но наконец выдал из себя:

– Если я разведусь, вы на ней женитесь?

– Ещё чего не хватало, мы и так с ней будем прекрасно общаться. Она любит богатство и роскошь, а я не настолько обеспечен, чтобы дать ей всё это.

Всю ночь Василий не спал, а обдумывал, как поступить. Он был труслив, слаб и малодушен, драться на такой дуэли – это заранее знать, что будешь убит. Кроме того, он всё ещё любил Марию и не хотел её терять. Тогда он решил сыграть простачка и на другой день написал Боржевскому любовное письмо: «Уважаемый С. З. Прошу Вас зайти ко мне на несколько минут». Как будто между ними так ничего и не случилось.

Стефан Здиславович ответил: «Милостивый государь! Меня очень удивляет, что после нашего вчерашнего разговора Вы сделали вид, будто такого разговора не было вовсе. Вы можете не придавать этому никакого значения, но я требую немедленный ответ – будете ли Вы со мною драться или нет?» Василий, в свою очередь, ответил: «Считаю, что наш разговор был простым недоразумением, и ничего серьёзного в нём не наблюдаю. Я со всей ответственностью заявляю, что отказываюсь драться с Вами, между нами не произошло ничего такого, что позволило бы Вам трепать дорогое для меня имя супруги. Посему я отказываюсь вести дальнейшие объяснения ни по этому поводу, ни по какому иному. Оставьте в покое меня и мою семью».

Тарновский очень не хотел дуэли, он смертельно боялся

наглого и развязного бретёра, который не скрывал, что хочет убить его. Но Боржевский не собирался отступить от задуманного. Ситуация зашла в тупик.

И тут Мария Николаевна, организатор всей этой истории, решила сама взяться за её решение. Скандальное убийство мужа при таких обстоятельствах было ей невыгодно, она и так уже была «засвечена» в приличных домах Киева. И женой поляка она становиться не собиралась, у Василя ещё были деньги, и пренебрегать этим было бы глупо, а у Боржевского – нет, и при такой жизни не ожидалось. Тогда и состоялся этот разговор:

– Ты не способен защитить меня, свою жену, ты трус и боишься Стефана.

– Я не трус, ты сама не желаешь с ним расстаться, и почему я должен из-за этого жертвовать жизнью?

– Ладно, я сама решу этот вопрос, чтобы всё оставалось на своём месте, – твёрдо заявила Мария и добавила тихо: – Пока.

От всех этих проблем, свалившихся на голову весёлого и беззаботного кутилы, каким был на самом деле Вася, у него начались головные боли, он был близок к помешательству настолько, что обратился за помощью к врачу.

* * *

В том году начало декабря принесло на древний город

снег и ветер. Мощные заряды снега обрушивались на редких прохожих, замечали кучеров, сидящих на облучках своих саней в ожидании клиентов. Да кто рискнёт путешествовать в такую погоду, разве что нужда заставит. Вот и Василий Васильевич отправился в клуб, хоть немного развеяться от мучивших его кошмарных мыслей, коли врачебные микстуры не помогают. В клубе тепло, вина, коньяки, закуски... Женщины тоже были, но Тарновский не стал искушать судьбу. Завтра всё может узнать супруга, у неё знакомые в этих заведениях ещё от прошлых весёлых застолий, тогда последний козырь у него выбьёт. Вернулся домой под утро.

Стефан Здиславович, едва получив известие об отъезде хозяина, немедленно явился, в нетерпении занять своё место в супружеской постели. Вдоволь накувыркавшись и утолив свою страсть, они затеяли совещание:

– Ну что ты предлагаешь, Марьюшка, в отношении твоего тирана, хочешь, я просто застрелю его?

– Желаете пойти на каторгу? Это непременно случится.

– Нет, на каторгу не хочу, лучше уж застрелиться. Но есть же какой-то выход?

– Выход есть, я предлагаю тебе примириться с Васькой, и оставим всё как есть.

Боржевский перевернулся и чуть не упал с кровати:

– Ни за что!

– Обожди, не кипятись. – Мария Николаевна погладила любовника по груди, животу, спустилась ниже, отвлекая его

внимание на приятные сексуальные забавы.

Стефан Здиславович замолчал и часто задышал, почувствовав ласковые женские ручки внизу живота.

– Зачем нам сейчас дуэль, только привлекать внимание полиции и жаждущей до спектакля публики?

Мария убрала руку, чтобы любовник немного успокоился и стал способен воспринимать её доводы.

– А если он снова начнёт над тобой измываться?

– Нет, сейчас более того уж не будет, он испугался. А ты будешь по-прежнему навещать меня.

Последняя фраза Тарновской решила исход совещания, Боржевский согласился с её доводами.

– Когда и где произойдёт наше примирение? – поинтересовался поляк, вновь привлекая к себе такое манящее женское тело.

– А вот это нам с тобой и предстоит сейчас обсудить.

Но обсуждение состоялось уже поздней ночью, любовник не мог больше сдерживать свою страсть и набросился на женщину, как изголодавшийся хищник на добычу.

Ушёл он лишь в три ночи, Василия ещё не было.

* * *

День уже перевалил на вторую половину, когда за обедом Мария объявила мужу:

– Ну что ж, милый, я готова примирить тебя с Боржев-

ским.

Она уже давно не называла Василия таким словом, поэтому он понял, что жена что-то надумала, ведь у Маришки ничего не бывает просто так.

– Как это я смогу с ним примириться, когда он хочет меня убить?

– Я всё решу, и сделать это надо при всех, чтобы по Киеву больше не ходили сплетни о нас.

Тарновский попытался заявить протест, но супруга властным жестом остановила его:

– Никаких возражений, как я решила, так и будет.

Следующий день, 7 декабря, стал для Василия самым мучительным. Он никак не мог найти себе места, ходил из комнаты в комнату, потом решил вообще уехать из Киева. И уже собрал саквояж, как появилась Мария, с утра ушедшая по своим делам.

– Куда это ты собрался, Васюк? – спросила голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Хотел навестить усадьбу, посмотреть, как там идут дела.

– Какие дела зимой? Не выдумывай. Вечером мы идём в театр, а потом ужинаем в ресторане со Стефаном Здиславовичем.

– Нет, нет, – испуганно попятился Василий, – я не пойду.

– Как это ты не пойдёшь? Не хочешь мириться, желаешь, чтобы он тебя отправил на тот свет?

– Нет, не желаю, но и ехать в театр не хочу.

– А как же тогда примириться? Другого пути нет.

– Я не поеду.

– Поедешь, никуда не денешься, собирайся быстро, если не хочешь стать трупом.

Решительность жены, перед которой Василий робел и признавал её лидерство в семье, не позволяла никаких других вариантов.

Вскоре супруги направились в театр. С ними была троюродная сестра Марии Марианна Вишневецкая и другие знакомые. После окончания спектакля всей компанией поехали ужинать в ресторан гостиницы «Гранд-Отель».

В большом зале ресторана было многолюдно, приехавшая компания расположилась за большим столом. Гости весело переговаривались, все выглядели со стороны как дружные, довольные друг другом люди. Рекою лилось шампанское, пустили бутылки с коньяком и водкой, даже сладкий ликёр – любимое питьё женщин – пользовался спросом.

Боржевский весь вечер был в ударе, шутил, смеялся, заказывал любимые Марией Николаевной цыганские романсы. Зато Василий испытывал невероятные муки, сидя рядом с человеком, которого всею душой ненавидел. Наконец во втором часу ночи наступила пора покинуть гостеприимное заведение. Стефан, который никогда ранее не платил за себя, в этот раз не позволил Тарновскому даже достать кошелёк:

– Нет, нет, мой друг, я сегодня угощаю всех.

– Приглашаю для закрепления договора о примирении

отобеждать завтра у нас в два часа пополудни! – торжественно произнесла Мария.

– А потом, – подхватил Боржевский, – все поедем на охоту, которую любезно согласился организовать для нас мой друг, барон Владимир Сталь фон Гольштейн.

Поляк взял руку Тарновской и что-то нашёптывал ей на ушко, иногда прерываясь, чтобы поцеловать узкую кисть с длинными пальцами. Василия передёрнуло от отвращения. Он уже ничего не соображал от выпитого, ненависть к наглому бретёру переполняла его.

В вестибюле швейцар подал пальто Марии Николаевне, и она вместе со своей родственницей Марианной Вишневецкой, которая в последнее время сопровождала её выходы в свет, прошла вперёд. За ними шли Василий и Боржевский. Стефан остановил Марию, поцеловал её одну руку, потом другую.

«– Я люблю тебя, я готов жизнь за тебя отдать», – произнёс он по-французски.

– Тише, пожалуйста, здесь люди, многие знают французский, нас могут услышать, – предупредила его осторожная Тарновская.

К подъезду гостиницы был уже подан экипаж. Стефан вышел вперёд и подал даме руку, чтобы помочь подняться в коляску. При этом наклонился к её лицу и поцеловал. У идущего сзади Василия потемнело в глазах, он и так весь день был на нервах и плохо себя контролировал. Выхватив револьвер,

Тарновский выстрелил в Боржевского. Тот упал как подкошенный.

На звук выстрела выскочили работники ресторана и остающаяся в нём публика. Раненого подняли с земли и, поддерживая, повели в тот номер, который он занимал в этой гостинице. Мария Николаевна, забыв о своём супруге, шла рядом, сопровождая любовника, все окружающие сразу поняли, на чьей она стороне.

– Приготовьте мне, пожалуйста, номер, соседний с номером Стефана Здиславовича, – попросила она служащих, – я там буду ночевать.

При этом даже не оглянулась на понуро стоявшего мужа. К раненому немедленно вызвали карету скорой помощи. Приехавший врач определил, что пуля попала в шею с задней стороны, но сонную артерию не затронула, хотя и задела глубоко в тканях. Он сделал перевязку, успокоив Марию, что рана не опасна для жизни, а пулю извлекут позже.

Тарновский вскочил в ближайшие сани и приказал извозчику:

– Немедленно вези меня в полицию, я человека убил.

Кучер потом на допросе показал, что пассажир выхватил револьвер и пытался застрелиться. Извозчику даже пришлось с ним побороться, чтобы выхватить оружие и убедить не делать глупостей.

– Он вёл себя как сумасшедший, – рассказывал кучер, – кричал: «Я совершил страшное преступление, я не достоин

жить».

В два часа ночи подъехали к полицейскому управлению, и Василий в сопровождении кучера прошёл к киевскому полицмейстеру.

– Вот мой револьвер, возьмите, там осталось ещё пять пуль. Я убил человека, я преступник!

– Успокойтесь, Василий Васильевич, возьмите себя в руки. Расскажите всё по порядку о том, что произошло.

Прыгая с места на место, путаясь, Тарновский рассказал полицмейстеру о происшествии.

Кое-как успокоив возбуждённого Василия, которого хорошо знал, полицмейстер, сочтя его обезумевшим, спросил:

– Есть ли у вас, где провести ночь, какие-нибудь друзья, родственники?

– Да-да, прошу отвезти меня к моему другу Михаилу Воронцову.

– Конечно, мы сейчас проводим вас.

Сопровождающий полицейский рассказал Михаилу о происшедшем и попросил попытаться успокоить друга. Но Тарновский был так возбуждён, что, несмотря на все старания, его не смогли утихомирить до утра.

На следующий день весь Киев только и говорил о случившемся, обсуждал участников этой драмы, хорошо известных в городе.

Часть вторая. Развязка

Тарновская

(Сонет с кодой)

*По подвигам, по рыцарским сердцам,
Змея, голубка, кошечка, романтик —
Она томилась с детства. В преискуранте
Стереотипов нет её мечтам
Названья и цены. К её устам
Льнут ровные «заставки». Но – отстаньте! —
Вот как-то не сказалося. В бриллианте
Есть место электрическим огням.
О, внешний сверк на хрупкости мизинца!
Ты не привлёк властительного принца:
Поработитель медлил. И змея
В романтика и в кошечку с голубкой
Вонзала жало. Расцвела преступкой,
От электрических ядов, – не моя!.. —
Тарновская.*

Игорь Северянин

Веймарн, 1913, август

Глава первая. Барон Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн

Старинная приморская крепость Акра¹⁰ глядела своими окнами-бойницами на морскую гладь. За 5000 лет со дня основания она пережила множество завоевателей. Во время третьего Крестового похода два года осаждал её Ричард Львиное Сердце, пока, наконец, в 1190 году жители не вынесли ему ключи от города. Акра стала столицей Иерусалимского королевства крестоносцев. Здесь немецкими паломниками был создан госпиталь для лечения раненых и больных соотечественников. Немецкие купцы организовали на базе госпиталя братство, которое взял под своё покровительство герцог Фридрих Швабский и ходатайствовал о получении на него папской грамоты. Это братство впоследствии получило военный характер и стало известно под именем Тевтонского ордена.

Через сто лет Тевтонский орден стал владельцем крупного немецкого города Нюрнберга и продолжил расширяться. К концу XIII века орден укрепляется в Восточной Европе, за-

¹⁰ Акра (Акко, Акка) – один из древнейших городов мира, заселённость которого не прерывалась с момента основания. Здесь найдены остатки поселений, существовавших 8500 лет назад. Сейчас Акко является городом государства Израиль.

хватывает польский Гданьск и всё Восточное Поморье, выходит к границам Литвы. Немецкие рыцари-крестоносцы, поселившиеся в Ливонии¹¹, образовали Ливонский орден, который объединился с Тевтонским и вошёл в его состав, сохранив свою автономию. Местом пребывания магистра стал Венденский замок¹². В 1343 году между Тевтонским орденом и Польшей был заключён мир, который открывал немецким рыцарям дорогу в их набегах на Литву.

После ряда войн в 1525 году государство Тевтонского ордена на территории Пруссии перестало существовать, перейдя в вассальную зависимость от Польши.

Ливонская же часть ордена была разгромлена и ликвидирована в 1561 году войсками Ивана Грозного.

Но ещё в середине XV века появляется в Прибалтике барон Иоанн Сталь фон Гольштейн, род которого зародился в германской области Вестфалии в XII веке. Он вступает в братство рыцарей Тевтонского ордена и вскоре становится фогтом¹³. После его смерти в 1515 году потомки постепенно секуляризировались, вышли из орденского братства и стали землевладельцами и торговцами.

В 1629 году Ливонию завоёвывают шведы, и многочис-

¹¹ Ливония (Лифляндия. Эстляндия и Курляндия) – историческая область в северной Прибалтике. В целом соответствует территории современных Латвии и Эстонии.

¹² Венденский замок – самый крупный и наиболее сохранившийся орденский замок на территории Латвии. Под его сенью возник современный город Цесис.

¹³ Фогт – чиновник, наместник императора, управитель церковных земель.

ленные ветви семьи Сталь фон Гольштейн стали служить шведским королям.

В 1709 году, после поражения шведского короля Карла XII под Полтавой, балтийские провинции становятся частью Российской империи Петра I. Царь, по своему обыкновению привлекая иностранцев, подтвердил права и привилегии ливонского рыцарства и предложил балтийским немцам руководящие должности в Российском государстве.

Постепенно, в течение XVIII–XIX веков, бароны Сталь фон Гольштейны становились полковниками, генералами и фельдмаршалами, командовали гвардейскими и гусарскими полками и корпусами, были учёными, членами императорского совета, генерал-губернаторами, послами.

Владимир Иванович барон Сталь фон Гольштейн – генерал-лейтенант, последний командующий Петропавловской крепостью.

Алексей Иванович барон Сталь фон Гольштейн – генерал-лейтенант Императорского русского суда, адъютант великих князей Романовых.

В 1838 году полковник барон Александр Карлович Сталь фон Гольштейн служил старшим офицером Гродненского гусарского полка, куда после кавказской ссылки был направлен Михаил Юрьевич Лермонтов. Жена полковника Софья Николаевна была красивой, умной и кокетливой женщиной, о ней мечтали все молодые офицеры полка. Но более всех влюблён в неё был Михаил Иванович Цейдлер – друг и одно-

кашник Лермонтова по юнкерскому училищу, сын губернатора Иркутска, будущий выдающийся скульптор. Это и стало причиной его рапорта о переводе на Кавказ. Проводы с бурным застольем состоялись на станции московского шоссе «Спасская полисть». Тосты и пожелания следовали один за другим, спичи и экспромты сменяли друг друга.

– Господа! – нетвёрдо держась на ногах, попросил внимания присутствующих корнет Лермонтов, – сейчас я вам прочту свои пожелания моему другу Михаилу:

*Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.*

*Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной сталью
Мысли юноши полны.*

Конечно, все поняли намёк словом «сталь» на прекрасную Софью Николаевну Сталь фон Гольштейн.

* * *

– Ой как здорово, ой как прекрасно! – Мария Николаевна порхала по квартире и готова была взлететь от счастья.

«Кажется, всё удалось как нельзя лучше, – думала она. – Ваську ждут следствие и суд, потом каторга. Оставшиеся деньги перейдут к ней. Стефан ещё долго будет отходить от раны, за это время многое может измениться. Она свободна, молода и красива, дети при ней (ну, их можно пока отвезти в полтавское имение О'Рурк к родителям). А мужчины что, они появляются, лишь помани пальчиком. Шмель всегда летит на красивый, яркий цветок, источающий аромат».

Имевший особый нюх на женщин барон Владимир, на глазах которого и происходили эти драматические события, безошибочно выбирал именно тот самый момент, когда женщина не может ему отказать. Да и не хочет особенно. Теперь все помыслы его занимала Мария, которая ещё тогда в ресторане ему понравилась. Нет, не просто понравилась, он влюбился в неё с первого взгляда. Потомственный охотник вышел на «зверя».

«Муж под домашним арестом, любовник в больнице, женщина осталась одна и безумно рада свободе, – рассуждал барон. – Но, как каждая женщина, она считает, что рядом должен быть достойный её мужчина. Осталось совсем немного – убедить её, что таким мужчиной может быть только он – барон Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн».

Вскоре Тарновская получила записку:

«Милейшая Мария Николаевна! В эту трудную для Вас минуту я готов, как мужчина, равнодушный к Вам, подставить своё плечо, дабы защитить такую нежную и хрупкую

женщину от свалившихся на неё несчастий. Прикажите, и я у Ваших ног. Разрешите навестить Вас в то время, которое Вы укажете? Ваш Владимир».

– Ха-ха-ха, – смеялась Мария, – ах, какая трудная минута!

«Ну вот и мужчина сыскался, надо узнать, что за гусь, – соображала она. – Это не Боржевский, денежки у него должны водиться».

Вызнав, что барон женат, но с женой не живёт, однако имеет миллионное состояние, Тарновская написала ответную записку:

«Приезжайте, мой друг, десятого к обеду, в два часа пополудни».

Мария приняла барона благосклонно. Обед прошёл весело, много шутили и смеялись, потом разговаривали в одной из комнат, обильно запивая беседу вином. Постепенно от поцелуев женских рук гость перешёл к поцелуям других частей тела. Мария не возражала, только иногда восклицала:

– Ах, какой вы проказник, барон.

– Я люблю вас, Мари... я схожу с ума... я вас так хочу! – несвязно бормотал Владимир, путаясь в женских застёжках.

– Ну иди же ко мне, – шепнула Мария, когда с одеждой было покончено, – ну что же ты?

– Сейчас, сейчас, дорогая, – нервно отвечал барон, – понимаешь, у меня бывает не совсем хорошо, слишком долго ждал...

– Да, да, понимаю, – с плохо скрываемой насмешкой от-

вечала Мария.

Гость ушёл из гостеприимного дома лишь утром.

С этого дня барон стал появляться в доме каждый день, а частенько оставался и на ночь. Мария умела завести мужчину, даже если у него и не всегда получалось, и это делало его сексуальным рабом женщины.

– Мне надо отвезти детей в полтавское имение родителей, – как-то обратилась Мария к Владимиру, – сейчас зима, я хочу тебя попросить помочь.

– Конечно, конечно, моя дорогая, я сделаю всё, что ты ни попросишь. А помочь тебе с детьми просто мой долг.

Прощаясь со слугами перед отъездом, она говорила:

– Представляешь, Настя, как будет здорово, если мне удастся барина в Сибирь упечь, вот заживём!

Ещё по дороге в имение барон предложил любовнице съездить в Крым.

– Мы там не замёрзнем?

– Нет, там зимой бывает сказочно, таинственно и романтично. Целый месяц будем вдвоём гулять и развлекаться. Ялта – город, лежащий у моря и шагающий в горы.

– Хорошо, я согласна. Но как же твоя жена?

– Я с ней уже не живу. Но для твоего успокоения разведушь официально.

1 января 1904 года Стефана Здиславовича Боржевского успешно прооперировали в Варшаве и предложили отправиться на лечение в Ялту. Туда же приехала Тарновская в сопровождении барона Владимира и служанок.

Встреча с бывшим любовником вообще в планы пары не входила, но зимой в Ялте не столь многолюдно и все на виду. Они гуляли по набережной, когда из небольшого кафе прямо к ним навстречу вышел Боржевский, опирающийся на палку и поддерживаемый слугой. От неожиданности он растерялся, глаза вылезли из орбит:

– Ты... ты... – пытался он что-то сказать барону. – Ты – подлец.

– Успокойся, тебе нельзя волноваться, я люблю эту женщину, а ты сейчас совсем негодный...

– Ах ты! – Стефан рванулся вперёд в драку по бретёрской привычке, взмахнул палкой и растянулся на мостовой, сильно ударившись головой. Слуга бросился его поднимать. Ему помогли прохожие.

Вечером у Боржевского поднялась температура, появились страшные головные боли. Врачи поставили диагноз – воспаление мозговых оболочек, требовалась сложная операция. Его прооперировали 15 января, но спасти уже не смогли, через четыре дня Стефан Боржевский скончался.

Отпевали его в часовне, среди немногочисленных посетителей присутствовала и Мария Николаевна, барон на отпевание не пришёл.

– Фу, как здесь пахнет, – обратилась Тарновская к одной из служанок, – скорей бы его уже похоронили, он ужасно воняет.

Боржевского предали земле, а влюблённые продолжали веселиться и широко, с размахом пировать в ресторанах. После развода у барона осталась крупная сумма денег, и стеснять себя в расходах не было необходимости.

Как-то утром, выйдя полуодетой из спальни, Мария потягивалась, как кошка, и тут её заметила служанка, от которой у барыни не было секретов. Она спросила, хитро прищурившись:

– А что, Мария Николаевна, с этим бароном вам очень хорошо бывает?

– Да что ты, Настя, он же импотент. Так, иногда что-то получается.

– А для чего же вы с ним тогда?

– Для забавы. Мне интересно, я его завожу, а он не может. Смешно. Надоест, брошу.

– А он любит вас не на шутку.

– Пусть, мне всё равно.

Конечно, Мария не стала посвящать служанку в свои расчёты насчёт того, как деньги барона перейдут к ней.

В самом начале XX века Российская империя продолжала свою многовековую экспансию на восток. Она аннексировала Ляодунский полуостров, ранее захваченный Японией. Это вызвало милитаризацию Японии и реваншистские настроения среди населения. 26 января 1904 года флот Японии неожиданно, без официального объявления войны, напал на корабли Российского Тихоокеанского флота, находящиеся на внешнем рейде Порт-Артура. После боя мощнейшие корабли русской эскадры были выведены из строя.

Наглое нападение восточного соседа вызвало возмущение российского общества. Была объявлена мобилизация сотен тысяч солдат и офицеров запаса. Прапорщик Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн был призван в конную артиллерию и принял участие в Мукденском сражении в начале февраля 1904 года, крупнейшем в истории человечества до Первой мировой. Несмотря на героические усилия, русским войскам пришлось отступить, они потеряли в этой битве убитыми 59 тысяч человек. Потери же японцев составили 80 тысяч. Сто тысяч русских солдат были ранены, в том числе и Владимир Сталь фон Гольштейн.

Несколько месяцев он лечился, но любовь к Тарновской, несмотря на редкие встречи, лишь возрастала. Мария привязала барона к себе намертво, однако он ей уже изрядно на-

доел. Встречалась с ним в надежде, что удастся выманить у него деньги.

«Милая, любимая, моя Мари, если б ты знала, как я страдаю. Третьего дни ты не разрешила мне остаться у тебя, догадываюсь, что в постели я не самый лучший борец и доставить тебе наслаждение не в силах. Но я люблю тебя так, что мне достаточно просто смотреть на тебя, трогать твою одежду, знать, что ты рядом. Я люблю тебя больше жизни и готов всё отдать лишь за твой благосклонный взгляд, за твоё внимание, не смею и подумать о том, за твою любовь. Что мне надобно сделать для этого?» – писал барон своей возлюбленной.

Недолго думала Мария и решила не крутить, а написать так, как планировала:

«Моя любовь стоит дорого. Сможете ли Вы, барон, заплатить за мою благосклонность, как это положено мужчине – отважному, смелому и безоглядному? Решайтесь, докажите, что Вы настоящий мужчина по сравнению с другими. И тогда, возможно, проложите дорогу к моему сердцу, чтобы остаться там навсегда».

Это был удар бича, это был выстрел, это был вызов, который честолюбивый барон не мог не принять. Предварительно застраховав свою жизнь в пользу Марии Николаевны Тарновской, 4 января 1905 года у самого Киевского анатомического театра в половине первого ночи барон Владимир Александрович Сталь фон Гольштейн застрелился, пустив

себе пулю в рот. Он принял смерть в парадном мундире, при шашке с аннинским темляком. Последним его видел официант, который в этот вечер обслуживал барона в ресторане «Версаль» на углу Фундуклеевской и Нестеровской улиц. Он показал, что клиент весь вечер пил абсент, запивая его красным бордо. В кармане мундира барона было обнаружено письмо:

«Моё право – сознательно лишиться себя жизни. Прошу меня не хоронить, а труп передать анатомическому театру.

За сим, прапорщик барон Владимир Сталь фон Гольштейн».

На следующий день все газеты опубликовали сообщение о самоубийстве, подчеркнув, что покойному было всего 32 года.

Перед смертью барон написал письмо:

«Клянусь всей своею честью и всем, что осталось во мне чистого и сильного, я – барон Владимир Сталь фон Гольштейн, обязуюсь перед Марией Николаевной Тарновской сделать всё, что она мне прикажет, потому что люблю её больше жизни. Заявляю, что всё совершённое мною не есть жертва и я ничего не требую взамен. Без этой великой и чистой любви для чего мне жить?»

Спокойно явившись в страховую контору, Мария получила 50 тысяч по страховому полису, оставленному бароном.

С этих пор все приличные дома Киева закрыли перед Тарновской свои двери. Она довела мужа до преступления, лю-

бовника до смерти, шурина и другого любовника до самоубийства. Но ей было абсолютно наплевать на это, свободная жизнь только начиналась. Теперь она стала опытной, хладнокровной, профессиональной охотницей на мужчин. И в помощь ей скорый суд, который отправит мужа на каторгу. Она разведётся с ним и завладеет довольно крупной суммой, оставшейся от продажи родительской усадьбы.

Глава вторая. Суд над Василием Тарновским

Зазвонил дверной колокольчик, и Тарновский пошёл открывать. Он уже почти год жил на квартире Михаила Воронцова в ожидании юридических действий в отношении себя. На пороге стоял полицмейстер:

– Ну что, Василий Васильевич, отдохнул? Теперь собирайтесь, поехали.

– Куда? – не понял Василий.

– Как куда, на суд. Али вы решили, что всё закончено? Нет, всё только начинается. Задержались с судом немного.

– А что, далеко ли ехать? – Тарновский быстро оделся, всё необходимое было заранее подготовлено.

– Далеко, Василий Васильевич, аж в самый Гомель.

– В Го-о-мель, – удивлённо протянул Тарновский, – с чего так?

– То не нашего ума дело, завтра там будете и всё узнаете.

Преступника посадили в зарешеченную карету и двинулись на вокзал.

* * *

В Министерстве юстиции, ознакомившись с фигурантами

дела, решили, что особы, принадлежавшие к местной знати, могут повлиять на решение суда. Во избежание этого было принято решение перенести слушания из Киева в могилёвский городской суд, заседавший в Гомеле.

Однако в Гомеле осенью 1903 года случился крупный еврейский погром. Такие погромы частенько случались в России, всегда находились те, кто натравливал рабочий и крестьянский люд, а то и просто громил на конкурентов из чувства ненависти. К тому времени в Гомеле проживало до 60 % еврейского населения, и естественно, конфликты на национальной почве случались. Но в этот раз всё осложнилось тем, что евреям надоело быть вялой и покорной толпой, которая не могла сопротивляться, и после Кишинёвского погрома, когда было убито 60 человек, решили организовать еврейские дружины самообороны. Эта вынужденная мера доказывала равнодушие и, более того, молчаливое одобрение погромов со стороны российской власти.

В связи с этим суд выяснял все обстоятельства, но свидетели были подкуплены и найти зачинщиков так и не удалось. Первая часть процесса длилась с осени 1904 года по январь 1905-го, потом сделали перерыв на слушание по делу Василия Тарновского.

Суд над гомельскими погромщиками привлёк немало бульварных репортёров и просто любопытных, а тут ещё одна пикантная история об убийстве мужем из благородного сословия любовника жены.

– Вася, а ты знаешь, кто тебе назначен защитником? – спрашивал своего друга Михаил Воронцов, который приехал вместе с ним в Гомель на суд.

– Нет, пока не знаю.

– Сергей Андреевский.

– Вот как? Совсем не ожидал, такая приятная новость.

– Теперь надо как можно быстрее с ним встретиться, пока он знакомится с твоим делом. Я думаю, что назначение этого защитника – уже наполовину означает положительное решение, – констатировал Михаил, потирая руки.

* * *

Встречаются такие люди, которых Господь наделил талантами во многих областях человеческой деятельности. А кроме того, он дал им ум, блестящее красноречие и высочайшую порядочность. Таким был Сергей Аркадьевич Андреевский. Он привнёс в искусство судебной защиты невиданную ранее художественную красочность.

Но бывает также, что человек открывает в себе предназначение только к концу жизни, когда остаётся лишь горько сожалеть о напрасно потраченных годах, а то и не открывает вовсе. В этом Сергею Аркадьевичу повезло, хотя такое открытие своего предназначения случилось не сразу и не прошло гладко. Окончив в 18 лет с золотой медалью гимназию в 1865 году, он уже через три года полностью освоил весь курс

юридического факультета харьковского университета. Сразу после окончания он служил кандидатом на судебные должности при прокуроре Харьковской судебной палаты. Здесь и произошла судьбоносная встреча с помощником прокурора Анатолием Фёдоровичем Кони – выдающимся российским юристом. По ходатайству А. Ф. Кони Сергей Аркадьевич занял должность помощника окружного суда Петербурга, где и прослужил пять лет. Хотя он был прекрасным обвинителем, спокойным, выдержанным, убедительным, но должность эта тяготила его, даже иногда он мог отказаться от обвинений. Но однажды, 24 января 1878 года, случайность перевернула его служебную карьеру. В этот день участница организации «Народная воля» Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова и ранила его. Никакой политической подоплёки в этом деле не наблюдалось, просто Вера мстила Трепову за то, что по его приказу был во дворе тюрьмы высечен розгами арестованный политический Емельянов. Его вина состояла в том, что он не снял шапку перед градоначальником. Веру Засулич решили судить как уголовницу, чтобы показать, что политические – это просто уголовники. Обвинителем был назначен Андреевский, которого попросили спасти и обосновать обвинение. Но тут нашла коса на камень, Андреевский отказался обвинять и сказал:

– Значит, при нынешних порядках и нас можно пороть безнаказанно, если кому вздумается? Нет! Молодец, Вера Засулич, спасибо ей. Присяжные её непременно оправдают.

Вера Засулич была оправдана.

Вскоре после этого громкого дела Андреевский был уволен, но при поддержке А. Ф. Кони поступил в адвокатуру. И вот здесь, как оказалось, он нашёл своё настоящее призвание.

Первое же дело, которое он вёл как защитник в Петербургском окружном суде, по обвинению молодого торговца Павла Зайцева в преднамеренном убийстве 24 ноября 1878 года с целью ограбления приказчика меняльной лавки на Невском проспекте, произвело большое потрясение в обществе. Сергей Аркадьевич произнёс блестящую, эмоциональную защитительную речь, в которой показал себя тонким психологом. Присяжные, учтя доводы защиты, изложенные Андреевским, отвергли версию обвинения и признали «убийство без заранее обдуманного намерения». Хоть Зайцев и виновен, но заслуживает снисхождения.

После этого дела Сергей Аркадьевич стал знаменитым адвокатом. Он нашёл свою стезю. В этом ему помогала и необычайно эффективная внешность. Стройный высокий красавец с матовым лицом, с чёрными как смоль волосами и высоко поднятой головой, сразу приковывал к себе внимание. Тёмные, широко открытые глаза были всегда устремлены вперёд и, казалось, пронизывали собеседника. Элегантные манеры и чарующий звучный и гибкий голос располагали к себе не только зрителей и присяжных, но даже и судей. Холодное изящество, прекрасная речь завораживали при-

сутствующих.

Андреевский выстраивал свою речь, как прекрасное произведение, основанное на мастерстве психоанализа. Он использовал в судебных речах примеры из жизни, ссылаясь на великих писателей Данте, Шекспира, Толстого, Достоевского, Гёте. В то же время он использовал, конечно, юридический аспект, акцентируя внимание на психологической стороне дела. Он просил заглянуть в душу подсудимого – что именно подвигло того на преступление, утверждая, что в душе каждого есть и злое, и доброе.

Слава о необыкновенном адвокате летела по России. Он использовал в своих речах яркие выразительные метафоры, звучные слова, лежащие, как патроны, в обойму его речи. Вот, например, защищая убийцу: «Нож, как злокозненный змий, проскользнул в его руку». Такая необычная форма слова придавала ему тройную силу. Речь его была привлекательна, эффектна, но естественна, без наигранности, рисовки, пафосной натужности, и это убеждало слушающих более, чем истерические выкрики других адвокатов. О нём говорили: «Златоуст, способный даже из камней исторгать слёзы». Сергей Аркадьевич гипнотизировал своею речью, он был поэтом, художником, литератором, творцом. И кроме всего прочего, он был нравственно чистоплотен, не брал на себя ведение сколько-нибудь сомнительных дел.

Интересно суждение Андреевского о Лермонтове в его литературоведческой статье: «Нет другого поэта, который

бы так явно считал небо своею родиной, а землю – своим изгнанием».

Блестящая плеяда труднейших политических дел, как шлейф благородства и неотступности, тянулась за ним. Тех политических дел, в которых власть всеми силами старалась свести на нет усилия адвоката. Но он вытаскивал из петли подследственных, и это было самое важное, что создавало ему немеркнущую славу. Участие в деле такого адвоката было среди других причин немаловажным фактором того, что внимание к суду было приковано всею Россией.

* * *

Защитник повстречался с подсудимым.

– Скажите, Василий Васильевич, вы сожалеете о том, что совершили? Если бы сейчас вновь возникли подобные обстоятельства, как бы вы повели себя?

– Я понимаю, Сергей Аркадьевич, что вы ждёте от меня слов, что теперь я поступил бы иначе. Но, положив руку на сердце, я не могу дать такой уверенности. И совсем не потому, что имел какой-то злой умысел против потерпевшего. Я прекрасно осознаю, что не он виновник моего такого преступного поступка.

– А кто же виновник, по-вашему?

– Несомненно, моя жена Мария Николаевна Тарновская.

– Расскажите о ваших взаимоотношениях.

Василий подробно рассказывал адвокату обо всех перипетиях совместной жизни с Марией, о нескончаемой чередой любовников, о том, что с каждым разом она становилась всё более наглой и бесцеремонной.

– Как вы думаете, Василий Васильевич, чем вызвано такое поведение вашей супруги?

Тарновский задумчиво теребил подбородок.

– У неё появились такие привычки и такие желания, которых я не замечал ранее, возникло впечатление, что она натравливает на меня своих любовников. Хотя, если честно признаться, я и сейчас её люблю.

– Да уж, – адвокат покачал головой, – только любовь ли это? А почему бы вам не расстаться?

– У нас дети, которых я очень люблю. Уверен, что при разводе суд оставит их мне. Но имею ли я право воспитывать их, лишив матери?

– Над этим вам придётся подумать, но ничего лучшего, чем развод в таких случаях, пока не придумали.

Адвокат Андреевский приходил к подследственному несколько раз, пока у него не сложилось твёрдое мнение о случившемся, и он не составил для себя план защиты.

* * *

Суд над Василием Васильевичем Тарновским начался 25 января 1905 года. Зал судебного заседания был полон, на

улице стояла толпа, ожидающая вестей оттуда, а особенно речи защитника Андреевского. Репортёры почти всех российских газет, специализирующихся на скандальных репортажах из залов суда, которые восторженно поглощала жадная до такого чтива публика, строчили – «срочно в номер».

Супружеская пара, которая уже прославилась в Киеве и которую знали во всех приличных домах и во всех борделях этого славного города, благодаря суду становилась все-российской знаменитостью. Правда, Мария Николаевна не предоставила возможности всем собравшимся на это театрально-судебное действо лицезреть себя. Её представляла Марианна Вишневецкая, та самая, которая была свидетелем злополучного выстрела и ранения пылкого любовника её троюродной сестры. Её предком был Иеремия Вишневецкий, русский воевода, потомок великого князя литовского Гедемина (XIV век), один из талантливейших полководцев Речи Посполитой, которого как огня боялся Богдан Хмельницкий. Его мать была сестрой митрополита Киевского Петра Могилы, основавшего знаменитую Киево-Могилянскую академию.

И вот теперь ей выпала незавидная роль свидетельницы, защитницы своей непутёвой родственницы. Она должна была доказать, что Мария к этому случаю абсолютно не причастна, что было изначальной ложью.

Судил Василия Васильевича суд присяжных. Эта форма судебного производства возникла после реформы крепост-

ного права, хотя готовилась ещё со времени Екатерины II. Лишь 20 ноября 1864 года император Александр II утвердил так называемые основные положения судебной реформы. Старый суд, отличающийся тайным письменным судопроизводством, заменил открытый, устный и состязательный процесс. Чтобы убедить присяжных в своей правоте, прокурор и адвокат должны были приводить доказательства, излагать доводы, обращаться к разуму и чувствам членов суда. В компетенцию суда присяжных входили в основном уголовные дела. Состав суда состоял из трёх профессиональных судей и 12 местных жителей – судей из народа, которые определяли виновность подсудимого на основе жизненного опыта и своего собственного чувства справедливости. В провинциальных судах в состав присяжных избирались и влиятельные крестьяне. Если они решали, что подсудимый невиновен, то он отпускался из-под стражи прямо в зале суда. Если же утверждали, что виновен, то меру наказания определяли уже профессиональные судьи.

С появлением суда присяжных судебные заседания, особенно такие громкие, воспринимались публикой, как интереснейший театр и соревнования, где на их глазах открыто и гласно решалась судьба человека. Газеты с репортажами из зала суда расхватывались как горячие пирожки и читались с интересом, словно роман с продолжением. Имена прокуроров и адвокатов становились известны всей читающей России.

После опроса свидетелей сторонами обвинения и защиты приступили к прениям.

Свидетели защиты говорили горячо и правдиво, рассказывали о личности подсудимого, о взаимоотношениях в семье, обвиняли во всём случившемся его жену. Лишь Марианна Вишневецкая пыталась рассказать о том, какая Мария Николаевна замечательная мать и жена. Но это выглядело натянуто и неубедительно.

* * *

Слово для защиты было предоставлено адвокату Сергею Аркадьевичу Андреевскому. Зал затаил дыхание.

– Уважаемые господа судьи, уважаемый господин прокурор, господа!

Все вы прекрасно слышали, как говорили свидетели о подсудимом. Он человек добрый, хотя и бесхарактерный, влюбился в красивую девушку, это можно понять. Но какое нравственное воспитание мог он получить в семье, если отец его вспыльчивый и строгий до самодурства. Брат покончил жизнь самоубийством отнюдь не без помощи жены подсудимого. Он – слабый человек и заливал своё бессилие и расшатанные нервы алкоголем и бесконечными гулянками. Душа его страдала, но этот человек не убийца.

Теперь посмотрим на тех, кто вынудил его выстрелить. Тот, в кого он стрелял, был любовником жены, но не толь-

ко, он служил орудием в её руках. Эти двое разрабатывали планы по лишению жизни подследственного или отправке на каторгу. Таковую цель ставила перед собой его супруга, чтобы избавиться от мужа и завладеть его деньгами. Они вдвоём провоцировали его, нагло, не стесняясь, показывали своё презрение, просто-напросто издевались над Тарновским. В его отсутствие на глазах прислуги они занимались похотью, прекрасно понимая, что ему всё станет известно. Казалось, можно просто развестись, чтобы прервать этот брак, и Тарновский желал этого. Но вы знаете, что в этом случае суд всегда остаётся на стороне мужчины и оставляет за ним детей, так это и бывает всегда в нашей стране.

Тарновский, думая о благе детей, не желал лишать их матери и в этом деле куда благороднее своей супруги. Да, видимый закон против подследственного, ведь он стрелял в человека. Но, кроме этого, есть закон нравственный, внутренний закон жизни, закон, который руководит нашей совестью и честью. И он говорит нам, что из всех этих трёх людей, участников случившегося, он в сто крат лучше и чище супруги и её любовника. Жена же его к любви не способна, не к той физической любви, а любви душевной, человеческой. Многие мужчины страдали от любви к ней, но она, проведя с ними время, только использовала их в своих целях и немедленно забывала, ища новую жертву для своего безмятежного времяпрепровождения. Её интересовали только рестораны и театры, ужины и туалеты, поездки за границу и новые краси-

вые и богатые мужчины, влюбляющиеся в неё и поклоняющиеся ей. Избалованная, расчётливая и равнодушная, с каменным сердцем и неутолимой похотью, она считала такую жизнь естественной и нормальной для себя.

Суд присяжных удалился на совещание. После перерыва председатель суда объявил вердикт: «Не виновен».

Василий Васильевич Тарновский был отпущен на свободу прямо в зале суда.

Глава третья. Знакомство с адвокатом Прилуковым

После суда стало понятно, что жить вместе с Тарновским уже невозможно. Мария недолго переживала, что не удалось отправить Ваську подальше в Сибирь или на Сахалин, важнее было то, что ей уже окончательно был закрыт вход в приличное общество Киева, где она могла наслаждаться роскошью, вниманием мужчин, которых гипнотизировала и подчиняла своей воле.

Прежде чем разъехаться, Василий попросил своего друга Михаила Воронцова, у которого временно жил, присутствовать при разговоре с бывшей женой о детях.

– Мария Николаевна! Я пригласил вас для разговора о детях в присутствии господина Воронцова, – Василий Васильевич делал строгое и отсутствующее лицо и старательно сжимал губы, как научил его Михаил, – пока до решения суда о разводе.

– Что вы предлагаете? – Мария с интересом смотрела на мужа, словно видела его в первый раз.

– Я предлагаю оставить детей у меня, поскольку вам они для вашей жизни не нужны, а только будут служить обузой.

– Вы, Василий Васильевич, лучше меня знаете, что мне нужно и что нет? – с вызовом ответила Тарновская, явно рассчитывая на скандал.

– Вы уже доказали это своим поведением, и всем известно, что вы за человек. – Теперь и Тарновский, забыв, что надо сдерживаться, начал заводиться.

– Господа, – вовремя вмешался Михаил, – давайте будем говорить о том деле, какое привело нас сюда, а не о каждом из вас. Я предлагаю решение, которое должно устроить всех: Вася маленький пока остаётся с матерью, Тата – с отцом.

Мария Николаевна молчала, смотря в пространство, потом выдала:

– Девочке мать нужна более, чем мальчику. И где же ваше хвалёное благородство, о котором, как мне рассказывали, распространялся адвокат?

– Для вас никакого благородства не существует, вы никогда не оцените его, потому что не знаете, что это такое, – не на шутку разошёлся Василий.

– Тише, господа, – опять вмешался Михаил. – Так мы решаем проблему с детьми или придётся вмешивать в это дело полицию? Мария Николаевна, решение за вами.

Тарновская молча смотрела в окно, все ждали, что она скажет.

– Я согласна, но при одном условии...

– Какое ещё условие? – оборвал Марию супруг.

– Обожди, Василий, – остановил покрасневшего от гнева Тарновского Воронцов, – мы слушаем, Мария Николаевна.

– Я прошу, чтобы он, – Тарновская небрежно кивнула на супруга, – выплачивал содержание на воспитание сына.

Василий Васильевич порывался что-то возразить, но его остановил Михаил, положив руку на его плечо.

– Мы согласны, Мария Николаевна, – ответил он вместо мужа. – Давайте оформим это соглашением.

С этих пор Татьяна жила с отцом. Василий пригласил свою старшую сестру Софью, и она фактически заменила девочке мать. Тарновский в дочке души не чаял, много гулял с ней в парке. Однажды пришли в большой парк, присели на скамейку. Но Тата не могла долго находиться на одном месте, увидев вдалеке песочницу, спросила:

– Папа, можно я в той песочнице поиграю?

Василий взглянул в ту сторону, куда указывала дочь, за песочницей начинался густой лес. Не хотелось ему отпускать туда Татьяну, но она очень просила.

– Ладно сбегай, поиграй, только недолго, а я пока здесь посижу.

Тарновский проводил дочку взглядом, достал газету и углубился в чтение новостей. Вдруг пронзительный детский крик заставил его поднять голову: какой-то мужик, держа в руках Тату, убежал к лесу. Словно стрела, пущенная из лука, рванулся вперёд Василий и в рекордное время преодолел расстояние до незнакомца, который вот-вот должен был уже скрыться в лесу. Схватив похитителя за одежду, он выхватил у него дочку и, размахнувшись, со всей силы ударил его в лицо. Позже он рассказывал Воронцову, что и сам не ожидал от себя такой прыти. Мужик упал, Василий навалился на

него: – Говори, кто тебя послал?

Тот молчал, вытирая кровь из разбитой губы.

– Говори, или бить буду.

– Госпожа. Екатерина Петровна, матушка Марии Николаевны.

Теперь и Василий признал этого мужичонку, заросшего редкой бородой, он видел его в имении родителей Марии.

– Ещё раз повторится подобное, я тебя буду бить, пока не убью, ты преступник. А госпоже передай, что приеду и пристрелю её как собаку, она знает, что я это делать умею, уже одного на тот свет отправил.

Мужичонка дрожал как осиновый лист:

– Нет, нет, я больше никогда... и госпоже передам.

Василий поднял его и ударил ногою под зад:

– Беги, пока не передумал.

Мужик припустил к лесу, как заяц.

* * *

Мария Николаевна жила с сыном в имении родителей «Отрада». О’Рурк обожали свою дочь, несмотря на дурную славу, которая закрепилась за ней, в особенности после суда над супругом. Жила скромно на родительском обеспечении и на том, что давал супруг на сына. Деньги, полученные от барона, медленно, но неуклонно подходили к концу. Мария представляла, какая жизнь её ожидает в глухом имении, и ей

становилась дурно. Нет, не для этого она родилась, не для этого познала мир. Она жаждала другой, роскошной жизни, она жаждала денег и красивых мужчин, ползающих у её ног.

Но Киев закрыт для неё, здесь она со своей репутацией всем знакома. Ну и пусть. Есть ещё такие большие и заманчивые города, как Петербург и Москва. Однако холодный, высокомерный, чиновничий Петербург не для неё, столичные аристократы, избалованные доступными дамами полусвета, никогда не пустят в свой круг «разведёнку», участницу на шумевшего на всю страну уголовного процесса. Но Москва – она совсем другая. Древний город, старинные роды, большие деньги и широкое гостеприимство – этим славилась Первопрестольная. Здесь купцы гуляли напрапалую, проматывая миллионные состояния. Туда и направила свои стопы Тарновская.

Прежде всего ей надо было найти адвоката для организации развода с мужем. Перебрав всех своих знакомых, она остановилась на Прилукове.

С Донатом Дмитриевичем она познакомилась лет пять назад. Тогда молодая супружеская пара Тарновских разъезжала по ресторанам и театрам крупнейших городов России. Василий изредка встречал знакомых, всё-таки он много здесь прожил, обучаясь пению у лучших мастеров. Как-то вечером, сидя с супругой в чопорной «Праге» и попивая своё любимое бордо, заметил он за столиком на другой стороне зала знакомое лицо.

– Мариша, посиди пока, я сейчас поздороваюсь с достойным человеком, с которым меня свели год назад, это он, если я не ошибаюсь.

Через некоторое время Василий возвратился к своему столику.

– Ну что, это тот, которого ты и ожидал увидеть? – спросила Мария с любопытством.

– Да-да, это он самый, вспомнили, как гуляли вместе в «Яре». Я предложил ему пересесть за наш столик, если ты не будешь возражать.

– Я не буду возражать, ты же знаешь, как я люблю знакомиться с интересными людьми.

– Тогда я приведу его сюда.

Под интересными людьми, с которыми Мария любит знакомиться, она, конечно, подразумевала красивых и состоятельных мужчин.

– Познакомься, Донат, это моя очаровательная супруга Мария Николаевна.

– Донат Дмитриевич Прилуков, – представился незнакомец.

В тот вечер он не произвёл на Марию особого впечатления, ей показалось, что он из тех серьёзных, сосредоточенных на своём деле мужчин, которые мало обращают внимания на посторонних женщин. За прошедшие с тех пор годы встречались не раз, переписывались, но друзьями так и не стали.

Мария узнала Прилукова поближе. Тот совсем не был похож на бретёров и забияк, которые ей до этого попадались. Грамотный человек с образованием, специалист по коммерческому праву, гражданским делам, знаток судебной медицины. Он владел собственной юридической конторой, в которой работал по 12–16 часов. Имел огромную библиотеку, в ней были книги по разным юридическим, историческим и естественнонаучным знаниям на нескольких языках. К этому времени он стал известным адвокатом, которому доверяли клиенты. Серьёзный обстоятельный человек в расцвете лет, ему исполнилось 37, дворянин, выпускник юридического факультета Московского университета. Его жена – дочь капитана 2-го ранга Конкевича, известного на флоте знатока морского дела и писателя, отзывчивая, серьёзная, любящая своего мужа женщина. В семье трое детей. И Прилуков, естественно, примерный семьянин, муж и отец.

В первый раз Мария обратилась к Донату Дмитриевичу, когда началось следствие по делу Василия Тарновского. Она прислала ему письмо:

«Уважаемый Донат Дмитриевич! Премилостивейше прошу Вас дать совет. В связи с делом Василия Васильевича, который убил человека и которому грозит каторга, есть ли необходимость нанять мне гражданского истца, чтобы отстаивал мои интересы на процессе в г. Гомеле? И если такая необходимость имеется, не согласились бы Вы выступить таким истцом?»

С уважением, М. Н. Тарновская».

Прилуков ответил, что в данный момент очень занят и выступать против своего товарища считает неуместным.

* * *

Сейчас, в преддверии бракоразводного процесса, Мария Николаевна зачастила в Москву в поисках подходящего адвоката. В эти поездки она брала с собою знаменитого киевского архитектора графа Игнатия Ледоховского, который не прочь был понежиться в постели с представительницей благородного сословия. Иногда ездила и с сыном Васей, шотландской горничной Элизой Перье и репетитором. Но чаще бывала одна. И непременно посещала гостеприимный дом Прилуковых, а если была с сыном, то он с удовольствием играл с детьми Доната Дмитриевича.

Мария Николаевна в беседах с хозяином дома рассказывала о своей тяжёлой жизни в Киеве, где всё общество её игнорировало.

– Понимаете, Донат Дмитриевич, я сейчас подыскиваю адвоката для процесса по разводу с Василием Васильевичем.

– Но как же, Мария Николаевна, в Киеве нет достаточного количества адвокатов, что необходимо искать их в Москве?

– В Киеве адвокаты есть, но они предлагают свою помощь, делая двусмысленные предложения. Я знаю, что привлекательна, но идти с мужчиной, который мне не нравится, к ко-

торому я не испытываю симпатию, для меня невозможно. С дочерью мне даже не разрешают видаться, хотя я и скучаю по ней, вы это прекрасно понимаете. Уж скорее бы назначили этот бракоразводный процесс.

Прилукову было весьма приятно, что Мария Николаевна сделала его своим доверенным лицом, что она делилась с ним, как с близким другом, своими горестями, просила его советов. И хотя ему было жаль эту женщину, он чувствовал, что совсем не безразличен ей. Прилуков согласился представлять Тарновскую на бракоразводном процессе, но даже и мысли не имел о каких-то близких отношениях. Поскольку Донат Дмитриевич слыл серьёзным человеком, заботящимся о своей репутации, отношения с Марией Николаевной были деловыми, ну и немного приятельскими. Только и всего.

В девятнадцатом и самом начале двадцатого века российское общество делилось на чёткие сословия, членам которых было предписано соответствующее поведение. В Киеве и Москве были десятки заведений, где любой мужчина мог снять себе проститутку, однако все эти девушки были в основном из крестьян. В глазах образованных и состоятельных мужчин они и не считались за настоящих женщин. С проституткой можно было общаться, жалеть её, но любить – нет. С нею невозможно было посетить театр и ресторан, пригласить в гости, познакомиться с друзьями. И даже если и возникало чувство, похожее на любовь, добром это никогда не кончалось.

Насладиться же плотской любовью с женщиной из высшего общества, красивой и замужней, гордой и уверенной в себе, было практически невозможно. Дамы из высшего общества казались бесполоыми, замужество и эротика не были между собой связаны. Брак освящал, скорее, духовный и официальный статус женщины, чем сексуальный. Замужество издавна предназначалось для зачатия и воспитания детей, сторона же физическая, эротическая, сексуальная оставалась как бы втуне. Женщина, которая нарушала эти нормы, жёстко обличалась, отлучалась от привычного круга, а часто изгонялась из семьи. От неё отворачивались родственники и близкие знакомые.

И вот на фоне этого барьера вдруг появилась женщина – Мария Тарновская, графиня, дама высшего света, в чьих жилах текла кровь Марии Стюарт, с которой при известном обхождении, настойчивости и пухлом кошельке можно было попробовать от запретного плода любви. Во всяком случае, весь Киев был наполнен рассказами о такой возможности, которые передавались из уст в уста. Без присущей каждой женщине скромности, наглая и развратная, не склонная к романтизму, она сама выбирала мужчин. Причём эта женщина развила в себе гипнотическую способность притягивать их, влюблять в себя. Несомненно, как и большинство холостых московских студентов, Донат в молодые годы, да и позже, судя по их совместным с Василием Васильевичем вылазкам, посещал такие заведения в Соболевом переулке.

* * *

Незадолго до Рождества 1906 года Прилуков получил письмо из Киева, причём адресовано оно было не на домашний адрес, а в контору:

«Милейший Донат Дмитриевич!

Наступил день, в который я наконец отважилась признаться в том, что столько времени доставляло мне страдания. Я больше не в силах нести в себе эту муку и каждый день, каждый час думать о Вас.

Я люблю Вас!

Теперь, лишь произнесла это, мне стало легче.

Когда Вы рядом, когда дотрагиваюсь до Вас, я вся дрожу, и мне стоит больших усилий сделать так, чтобы никто, и Вы тоже, не заметил этого.

Я с нетерпением жду встречи с Вами, видеть Вас, чувствовать всею душою, всем сердцем, всем телом.

Скорей, скорей в Москву!

Обнимаю, Мария».

Через несколько дней Мария Николаевна была уже в Москве. Сразу из гостиницы она поехала к Прилукову.

– Здравствуйте, Донат Дмитриевич, – приветствовала её с порога, ожидая, что адвокат сейчас кинется её обнимать.

Но он спокойно поздоровался и стал расспрашивать, старательно делая вид, что никакого письма не было:

– Здравствуйте, Мария Николаевна, рад видеть вас в добром здравии. Как обстоят ваши дела, что слышно в славном граде Киеве?

Мария поняла, что он или не получил письма, что было маловероятно, или сделал вид, что ничего не произошло.

– В Киеве всё спокойно. Я сейчас поеду решать некоторые свои дела, а к семи вечера приглашаю вас отужинать у меня в гостинице. Пора обсудить подробнее наши дела.

Донат склонил голову то ли в знак согласия, то ли неопределённости. Но Мария уже ощущала шестым или седьмым чувством, что пескарь заглотил наживку и с крючка не сорвётся.

* * *

В номере горел тусклый свет. Обстановка была скорее романтической, чем деловой, Донат сразу это отметил. Он снял пальто, оставшись в лёгкой белой сорочке.

– Садитесь, – пригласила дама, показав на место напротив себя.

Беседа сначала протекала вяло, касаясь лишь предстоящего бракоразводного процесса. Тарновская спрашивала о перспективах оставления детей мужу, когда раздался осторожный стук и официант закатил тележку с заказанными яствами, бутылкой бордо и любимым Марией абсентом. Разговор продолжился, касаясь общих тем, Мария осторожно рас-

спрашивала о возможностях раздела имущества и денег и шансах оставления с нею детей.

Но вскоре беседа оживилась, теперь попеременно предлагались тосты.

– Ну, Донат Дмитриевич, а этот тост я хочу предложить за успешное завершение нашего общего дела. – Мария встала с бокалом в руке, поднялся и Прилуков. – А на брудершафт? – игриво подмигнув, проговорила она. Они завели руки с бокалами одну за другую, выпили, и Мария смело подставила свои губы для поцелуя. Прилуков сначала слегка коснулся их, потом поцелуй стал глубже и азартнее.

– А вы хорошо умеете целоваться, – похвалил он Тарновскую, они всё ещё стояли близко, и рука мужчины лежала на плече женщины.

– И не только это я умею, Донат Дмитриевич.

Она погладила ладонью по сорочке и, привычно расстегнув пуговицу, положила нежную руку на грудь мужчине. Прилуков напрягся, вот он, тот самый момент, когда он ещё может отодвинуться и сказать что-нибудь шутовское, снимающее необратимость минуты. Но зачем, зачем мучить себя и уверять, что ему неприятно это прикосновение, что он серьёзный и ответственный человек, занимающий высокое положение в обществе, что у него любимая жена и трое детей, что он не должен, не может себе позволить... Не должен? Не может? Но, чего уж там скрывать от себя, хочет.

Женская рука, словно идя вброд и пробуя глубину, мед-

ленно и ласково поглаживала волосики груди, подбираясь к соску. И когда, наконец, достигла его, быстро другою рукой расстегнув сорочку, припала губами к манящей коричневатой горошине.

Донат стоял как столб, в его мозгу всё ещё вяло шевелились мысли, что надо прекратить это действие, затягивающее, как в воронку уже иной судьбы, что это дьявольское наваждение, происки сатаны, в сеть которых он стремительно погружается. Он предчувствовал, что жизнь сворачивает с привычной колеи и женщина, которая уже ловко расстёгивала его брюки, тянет в пропасть, но противостоять этому был более не в силах. Все мысли исчезли, когда сначала руки, а потом и губы охватили кольцом вздыбленную плоть.

Разве можно противостоять древнему инстинкту... В эту ночь Мария насильовала Доната Дмитриевича с таким азартом и профессионализмом, какого он в жизни никогда не встречал. И его, уже обессилевшего от наслаждения, вновь и вновь призывала на своё манящее совершенное тело. И перед глазами возникало прекрасное лицо сирены¹⁴ с чарующим голосом и необыкновенными глазами, завлекающими мужчин так, что они уже не могут сопротивляться. Завлекающими в пучину...

¹⁴ Сирены – в древнегреческой мифологии девы чудной красоты с очаровательным голосом. Звуками своих песен они усыпляют путников, а затем раздирают их на части и пожирают.

Прошло две недели. В этот вечер супруга, как обычно, встречала своего Доната в прихожей. Но, в отличие от других вечеров, он был необычно серьёзен и сосредоточен, даже забыв подставить щёку для поцелуя.

– Милая, нам надо серьёзно поговорить.

Если Донат произносил такую фразу, значит, действительно случилось что-то экстраординарное.

– Может быть, поужинаем сначала? Я ждала тебя и не сиделась за стол.

– Поужинаем позже. Дети спят?

– Да, с ними горничная.

– Милая, не буду юлить вокруг да около, скажу сразу то, что не имею права от тебя скрывать. Не хочу, чтобы между нами была какая-то ложь.

Жена заломила руки, предчувствуя недоброе.

– Что-то случилось, Донат?

– Случилось. Я сошёлся с Тарновской.

– Матерь божья! Зачем это тебе?

– Я люблю её!

Жена заплакала:

– А как же я, дети?

– Я буду заботиться о тебе и детях, как прежде.

Говоря это твёрдым голосом, Донат Дмитриевич искрен-

не верил в то, что это действительно возможно. Он не знал до конца ту женщину, которую любил, и считал, что сохранит свою честь, обязательства перед семьёй и клиентами. «Блажен, кто верует...»

* * *

Теперь Прилукову приходилось делить своё время между женою и любовницей. Но такая жизнь на два дома не может продолжаться долго. Донат снял для Марии Николаевны квартиру в доходном доме Чижиковой на Садово-Кудринской, 23. Он ещё надеялся, что пути отступления открыты, что он сможет покинуть Тарновскую тогда, когда этого пожелает. И вновь возвратиться в ту удобную и наезженную колею жизни, в коей пребывал до этой встречи. Потому не баловал любовницу, все расходы они делили пополам.

Квартира Марии располагалась в бельэтаже, а Прилуков снял себе жильё этажом выше, там он и принимал клиентов. И разговаривать по телефону Тарновская могла только через Прилукова. Выходить из дома одной ей категорически воспрещалось, даже с маленьким Васей Донат гулял в парке Сокольники, имея при себе лишь гувернантку. Чтобы обрести нужную ей свободу, а также удержать при себе адвоката, Мария устраивала скандалы:

– Донат, я настаиваю, чтобы ты бросил семью и жил только со мной, – требовала любовница.

– Я же с тобой. Разве это не так?

– Не так. Я желаю, чтобы ты окончательно порвал с семьёй, если действительно меня любишь. Я схожу с ума, когда думаю о том, что ты приходишь к жене и спишь с ней втайне от меня.

– Ты прекрасно знаешь, что это неправда, я люблю тебя, и больше никто мне не нужен.

– Я больше не могу так, ты должен сделать выбор. Я отравлюсь завтра, если ты не оставишь жену. А если ты этого сделать не можешь, то, ради нашей любви, давай уйдём из жизни вместе.

– Я обещаю тебе, что сделаю так, как ты хочешь.

Постепенно, медленно, но уверенно, Прилуков попадал под чары своей возлюбленной. Он, как умный и образованный человек, понимал, что эта страсть, с которой он не в силах совладать, лишает его воли, толкает в бездонную пропасть.

Однажды он пошёл к знакомому психиатру и рассказал о том, в какой яме очутился:

– Понимаешь, это выше меня, я не могу совладать с собой, это какое-то дьявольское наваждение.

– Ну ты же прекрасно знал, с кем связываешься.

– Конечно, знал. Знал весь тот чёрный шлейф, который за нею тянется. Но я мужчина, а не какой-то бретёр или юнец, которые у неё были. Просто интересно было попробовать. Но она оказалась дьяволом.

– Все те инструменты, которые я рекомендую в таких случаях, для тебя не подходят: завести себе другую любовницу, уехать в далёкий город или за границу. Ты же её теперь не сможешь бросить.

– Да, я как будто поражён неизлечимой болезнью, я стогаю от страсти к ней, я её всё время хочу, это как наркотик.

– Сходи в церковь, открой душу священнику, пусть отпустит тебе грехи, поживи в монастыре, посети гипнотизёра, наконец, сейчас есть такие умельцы. Молись каждый день, чтобы отвязаться. Что ещё я могу тебе посоветовать?

Донат испробовал всё, что посоветовал психиатр, но излечение не наступило. Более того, он всё более попадал во власть этой сильной женщины. Как и все предыдущие мужчины, он и сам не заметил, как стал её рабом. И как только она ощутила его в этом состоянии, немедленно принялась за своё любимое дело, унижала его везде, как могла, получая от этого огромное наслаждение.

Теперь ведущая роль перешла к Марии Николаевне.

– Донат, я хочу сходить в Малый театр.

– А что там дают сегодня?

– По-моему, «Грозу».

– Так она идёт уже давно.

– Ну и что, а я не видела.

Вечером поехали в театр. Взяли ложу рядом со сценой.

В самый трагический момент Тарновская обратилась в Прилукову:

– Наверное, смог бы.

– Тогда прыгни, пожалуйста.

– Сейчас?!

– Ну конечно же.

– Ты хочешь, чтобы меня посчитали за сумасшедшего и забрали в полицию?

– В полицию тебя не заберут, как же, известный адвокат, но я хочу, чтобы ты прыгнул.

– Я не буду этого делать.

– Ах, не будешь, тогда прощай, я уйду, так-то ты меня любишь.

– Мариша, я люблю тебя, но прыгать в середине спектакля...

– А я хочу, докажи, что ты мужчина и что ты любишь меня!

Донат Дмитриевич поднялся, перелез через парапет ложи и сиганул вниз на глазах у всей театральной публики. В полицию его не забрали, но весть об этом поступке молниеносно разнеслась по всей Москве.

* * *

При той роскошной жизни, любви к ресторанам, тряпкам и драгоценностям, которые обожала Мария Николаевна, содержать её было весьма накладно. Прилуков тратил на это несколько тысяч рублей в месяц, сумму очень значительную.

Его доходы в связи с естественным сокращением адвокатской практики далеко не покрывали расходов. Всё накопленное для семьи, для будущего детей за годы его тяжкого труда постепенно таяло и вскоре сошло на нет. Но деньги были необходимы, и ничего не оставалось, как воспользоваться средствами, которые доверили ему клиенты.

А Тарновская, уже вошедшая во вкус рабовладелицы, мягко давила на адвоката:

– Донатик, ну когда же мы уедем за границу?

– Я сейчас ищу средства на это, ты же знаешь, сколько надо иметь денег.

– Нет, дорогой, я не знаю, а зачем мне это знать, когда есть ты – мой любимый мужчина? Я уже планирую посетить самые экзотические страны, там ждут нас райские наслаждения.

– Да-да, конечно, моя милая, мы обязательно поедем.

– Пусть это случится поскорее. Мы с тобой вместе уезжаем за границу или расстаёмся. Я не хочу вечно ждать.

Донат Дмитриевич метался по Москве, он чувствовал себя в клетке, из которой нет выхода. Оставить Тарновскую уже не мог, но и ехать не на что. Кроме того, в душе его ещё оставалась доля ответственности за обещания, данные жене и детям по их содержанию, ведь иначе они останутся без средств.

Надо было сделать единственный шаг, надо было переступить через порядочность и законность, надо было прыгнуть

в водоворот, из которого уже невозможно будет выбраться. И это пострашнее, чем прыжок из ложи на сцену по желанию женщины, которая завладела его телом, мозгом, жизнью. Он прекрасно понимал: для того чтобы остаться жить в Европе с Тарновской, требуется порядка ста тысяч рублей – огромная сумма.

В ноябре 1906 года Донат Дмитриевич застраховал свою жизнь в пользу жены и, похитив всю сумму денег клиентов, оставшуюся к тому времени в размере 80 тысяч рублей, бежал с Марией в Алжир.

* * *

Это известие всколыхнуло общественность Москвы. Коллегия адвокатов никак не могла найти серьёзную причину того, чего никогда не бывало в их среде. Успешный, умный, образованный юрист, талантливый адвокат с безукоризненной репутацией, серьёзный семейный человек, любящий своих детей, совершил проступок, нет, преступление, которое невозможно было объяснить иначе, чем внезапным помутнением рассудка.

Итак, четверо начали своё путешествие по заграничным весям: Донат Дмитриевич, Мария Николаевна, её сын Вася и гувернантка, по совместительству горничная, Элиза Перье. Для ответственного заграничного турне Тарновской понадобилась понятливая и преданная швейцарка, умеющая с

готовностью выполнять разнообразные деликатные поручения, которые почему-то с ужасающей неотвратимостью случались в её жизни.

Алжир – дикая страна, но имеет большую протяжённость вдоль южного берега Средиземного моря, отсюда здесь тёплый средиземноморский климат. Путешественники провели в этой стране зиму, отдохнули от российских морозов и по весне двинулись в Южную Европу, сначала в Марсель, потом на любимый Лазурный берег, в Ниццу. Потом Швейцария и, наконец, Германия, где было так много интересно. Пока были деньги, их не считали, останавливались в самых роскошных отелях, где снимали сразу несколько номеров, посещали дорогие рестораны. Мария Николаевна обожала роскошь и размах, она ощущала себя повелительницей мира, когда перед ней в почтительном поклоне склонялись служащие тех мест, где она останавливалась.

Деньги подпитывают власть – восторженное чувство своей великости и вседозволенности, а власть рождает новые деньги. К этому Мария Николаевна прибавляла удивительные способности влюблять в себя мужчин до такой степени, что они превращались в её рабов и готовы были отдать за неё жизнь.

Но всему когда-то приходит конец, деньги у Доната Дмитриевича закончились.

– Я хочу тебе сообщить, дорогая, что денег у меня больше нет.

– Ну и что ты мне предлагаешь? Идти в нищие и стоять у перекрёстка с протянутой рукой? А может, поступить в бордель мадам Шабане у Лувра? Я наверняка буду пользоваться спросом.

– Что ты, что ты, дорогая, говоришь? Я не смогу жить без тебя.

– Ну, если не можешь жить, застрахуй свою жизнь на моё имя и застрелись.

Прилуков испуганно тряс головой:

– Ну зачем же так? Я что-нибудь придумаю.

– Хоть думай, хоть не думай, ты уже ничего не найдёшь. А зачем ты мне такой? Я дам тебе денег до Москвы и езжай в Россию.

– Меня там сразу арестуют.

Тарновская пожала плечами:

– Так что ты предлагаешь?

– Я клянусь тебе, что обязательно застрахуюсь, а потом застрелюсь, как это сделал барон. Но для получения страхового полиса нужно оформить дополнительные документы, а я ведь живу по поддельному паспорту и не могу появиться в России.

– Ладно, что-нибудь придумаем.

В коридоре Доната остановила гувернантка:

– Господин адвокат, сейчас самое лучше для вас – это уйти из жизни, – уговаривала Элиза Перье, – если вас не станет, моя госпожа и ваша любимая женщина всю жизнь будет

вспоминать о вас с самыми тёплыми чувствами.

Прилуков прекрасно знал Марию и её «тёплые чувства». Но что ему оставалось? Он уже стоял на краю. Буквально за год он превратился из преуспевающего, уверенного в себе адвоката в преступника, рабски преданного своей любовнице. Даже если он сможет преодолеть неутолимую страсть к Тарновской, перед ним всего два варианта: нищета за границей или тюрьма в России.

Недолго думала Тарновская о судьбе отработанного ею мужчины, решила, что в путешествиях такой образованный человек, адвокат, пока не помешает. Пусть будет слугой и секретарём, где ещё она найдёт такого преданного ей раба? Ссудила Прилукова деньгами и решила отправиться в Венецию, город-сказку, притягивающий туристов со всех концов света. Здесь было, на что посмотреть и где предаться шумному веселью. Город с богатой историей, с необычной архитектурой, каналами, мостами, гондольерами, город, по которому можно гулять вечно, открывая за каждым поворотом необычное здание, кофейню, а то и особый венецианский бордель.

К началу двадцатого века начали обживать острова, где желает отдохнуть элита с большими средствами, где никто не сможет помешать развлекаться.

– Донат, – уже приказным тоном, которым она всё чаще разговаривала с адвокатом, обратилась Мария к Прилукову, – будем жить на острове Лидо-ди-Венеция. Я прочитала,

что там только что открылся шикарный отель в мавританском стиле.

– А как туда добраться?

– Приедем в Венецию, там, на южной оконечности за каналом, небольшой остров Святой Елены, оттуда ходит паром до Лидо. На причале нас будет ждать экипаж.

Остров Лидо-ди-Венеция длинной стрелой протянулся с южной стороны Венеции, отделяя её знаменитую бухту от бурных волн Адриатического моря. Место тихое и спокойное, в отличие от набитой в любое время года туристами Венеции. Самое узкое место острова шириной один километр, длина 13 километров.

До отеля взяли экипаж и ехали полчаса. Остановились у необыкновенно красивого здания. Донат Дмитриевич прочитал на фронтоне: «Excelsior». Пока Мария Николаевна занималась с администратором размещением, заказывая несколько номеров, которые выразила желание посмотреть лично, Донат беседовал с дежурным об истории создания отеля.

Отель построил богатый предприниматель Николо Спада в венецианско-мавританском стиле по проекту знаменитого архитектора Джованни Сарди. Открытие состоялось совсем недавно, 21 июля 1908 года, на торжество съехалось 30 000 венецианцев и 3000 гостей со всего мира. Сразу было ясно, что построен он для высшего общества и богемы. Великолепный пляж с золотым песком, высокие сверкающие залы

ресторанов, открытые веранды со столиками, богато украшенные номера различных цветов и оттенков с видом на море поражали воображение.

Мария заказала себе и Донату отдельные номера и номер гувернантке Элизе с сыном Васей.

Обедала вся компания в шикарном ресторане Tropical. Они заняли столик у самого окна, где открывался чудесный вид на море. Заказав себе абсент и закусывая его чудесными блюдами изысканной кухни, Мария Николаевна обдумывала свои дальнейшие планы. А все они сводились к одному – кто будет тот, следующий, на которого упадёт глубокий и печальный взгляд опытной охотницы?

– Элиза, иди в свой номер и укладывай Васю спать, а мы с Донатом Дмитриевичем прогуляемся по набережной, подышим морским воздухом, – приказала Мария гувернантке и направилась со спутником к выходу. Судьба вела её. Тихий, тёплый зимний вечер на берегу Средиземного моря в таинственных отсветах фонарей настраивал на романтический лад. Прогуливающихся было немного, и Мария Николаевна цепким взглядом осматривала встречных, пытаясь определить их достаток по одежде, малозаметным деталям походки и посадки головы, обрывкам разговоров. Навстречу шла необычная пара – мужчина, печально склонившись, толкал инвалидную коляску, в которой сидела женщина. Мария присмотрелась и вдруг узнала. Боже, это же граф и графиня Комаровские – давние знакомые по Ницце!

И Мария Николаевна решительно направила шаги к медленно приближающейся паре. Шаги к своей судьбе.

Глава четвёртая. Комаровский

– Павел, Эмилия, как я рада! Дорогая, что с вами? – восторженно восклицала Мария.

– Была на войне, подцепила какую-то неизвестную болезнь, от которой мне становится всё хуже.

– Не печалься, мы ещё будем пить вместе шампанское.

– Граф, давно вас не видела, какой вы стали мужественный и серьёзный. Слышала, что вы герой, награждённый орденом, – тараторила Мария, – я так рада, так рада, что встретила вас.

– И мы рады вас видеть, Мария Николаевна, – ответил Комаровский, не сводя с Тарновской влюблённого взгляда.

– Да, хочу вас познакомить, это мой адвокат Донат Дмитриевич Прилуков. С Василием Васильевичем нам, к сожалению, пришлось расстаться, – оповестила Мария, чтобы предупредить вопрос, который должен был обязательно возникнуть.

– Вот приехали в Лидо, поправить здоровье, – рассказывала Эмилия, – остановились в «Эксельсиоре». Здесь прекрасный климат, мы и сына привезли.

– Да, и мы тоже с сыном приехали.

– Ой, как здорово! – воскликнула Эмилия. – А сколько ему?

– Девять.

– И моему столько же. Ну, теперь будут вместе играть. Как зовут его?

– Васей, а твоего?

– Евграф.

– Договорились, встречаемся вечером в ресторане «Тропикана».

* * *

Комаровские (Komorowski) – древний польский род. Когда-то он стал многочислен и разделился на шесть родов. В 1626 году, ещё до всех грядущих разделов Польши и даже до восстания Богдана Хмельницкого, в молодости героически воевавшего с Московией и завоевавшего Смоленск, Павел Прокофьевич Комаровский переехал на жительство в Московию, где поощряли приезд служивых иностранцев тем, что выделяли земельные наделы. Павлу Прокофьевичу, ставшему родоначальником российского рода Комаровских, выделили наделы в Новгородском уезде. Первые Комаровские ничем не выделялись до тех пор, пока потомок Павла Прокофьевича в пятом колене, Евграф Федотович Комаровский, за участие в Итальянском и Швейцарском походах императором [Францем II](#) не был возведён 7 мая [1803](#) года в [графское](#) достоинство [Священной Римской империи](#).

У первого графа Комаровского было восемь детей, которые стали генералами и полковниками, юристами, жёна-

ми высокопоставленных лиц, представителями высшего российского общества. Сам Евграф Федотович в конце службы уже был генералом от инфантерии и сенатором. Он приобрёл село Городище в 35 верстах от Орла, ставшее родовым гнездом этой ветви рода Комаровских.

Павел Евграфович Комаровский родился в 1812 году. Закончил школу гвардейских прапорщиков, где учился одновременно с Михаилом Лермонтовым. Вышел после окончания школы в 1832 году в лейб-гвардию Измайловского полка. Дослужился до штабс-капитана и ушёл в отставку. Был женат на Марии Павловне Галаган – властной женщине, представительнице рода графов Разумовских.

Его сын Евграф Павлович, родившийся в 1841 году, был предводитель Тульского дворянского собрания. Являлся походным атаманом центрального округа Резервного казачьего войска в составе Всевеликого войска Донского.

Сын Евграфа Павловича, Павел, родился в 1869 году. Он достойно продолжал славные традиции своего рода. Павел Евграфович, окончив Орловский кадетский корпус, поступил в престижное Николаевское кавалерийское училище. Из училища выпустился корнетом «по 1-му разряду», то есть с отличием, и служил офицером в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку. С военным поприщем Комаровский успешно сочетал общественную деятельность. Он – один из организаторов пожарного дела в России и организатор съезда российских пожарных, проходившего в Орле в августе

1899 года. 10 августа 1900 года в Париже был избран первым президентом Большого международного совета пожарных.

Являлся одним из жертвователей в Орловский губернский музей, основанный в 1899 году при Орловской губернской учёной архивной комиссии, в деятельности которой принимал активное участие. От него в музей поступили коллекции древнерусских крестов и образов, а также серебряные монеты, древние рукописи. Был действительным членом Орловского общества любителей изящных искусств и членом его совета старейшин, председателем выставочного комитета первой художественной выставки в г. Орле в 1896 году, организованной обществом.

Наряду с этим граф был действительным членом Орловского общества правильной охоты и членом губернского комитета попечительства в тюрьмах. В имении Комаровского Городище, в 35 верстах от Орла в сторону Карачева, была собрана большая библиотека конца XVII века, свыше 10 000 томов, включавшая книги по истории, музыке, естественным наукам на нескольких языках.

6 июня 1894 года на пожертвование частных лиц, в основном Павла Евграфовича, и частичного вложения городской думы в Орле открылась Тургеневская читальня. По случаю этого события местное музыкальное общество, где председательствовал Комаровский, пригласило артистов для участия в концерте. В их числе и знаменитое на всю Россию трио виолончелисток и арфисток сестёр Редер. Дочери известно-

го московского дантиста Марка Редера играли популярные произведения, а двадцатисемилетний граф Павел Комаровский не сводил восторженных глаз с одной из сестёр – Эмили. Решительный и отважный, тонко чувствующий женскую красоту граф встречал артисток после концерта:

– Разрешите сказать вам несколько слов? – обратился он к Эмили.

– Конечно, ваше сиятельство, – ответила Эмилия, зная графа как общественного деятеля, представителя дворянского рода.

– Не могут ли дамы оставить нас вдвоём? – обратился Павел к сёстрам.

Те пожали плечиками, но с готовностью отошли в сторону. Тогда граф взял руку девушки, притронулся к ней губами и произнёс:

– Разрешите предложить вам руку и сердце?

Эмилия даже отшатнулась в испуге:

– Но ведь вам известно, что я иудейского вероисповедания.

– Ну и что, разве это помеха для того, кто любит?

– Мои родители никогда не дадут благословения на такой брак.

– А это мы ещё посмотрим, – решительно заявил Павел.

Как и следовало ожидать, Редеры ответили решительным отказом на предложение Комаровского, но Павел Евграфович не привык отступать. Он узнавал, в каком городе со-

бирается выступать трио сестёр, и спешил туда, предварительно купив большую корзину цветов, которая после выступления торжественно выносилась на сцену. Так прошёл год. Эмилия, встречаясь с любимым, клялась, что искренне хочет принять православие и стать графиней Комаровской. Павлу нравилась решительная, смелая девушка, совсем не похожая на скромных еврейских барышень. Однако переубедить родителей не удавалось. У евреев, издавна живших среди других народов, существовал обычай – не поддаваться ассимиляции, сохранять свою веру и традиции.

Тогда Павел решил ввести в дело тяжёлую артиллерию, которой стал граф Луи Бонапарт. Принц Французской империи, внук младшего брата великого Наполеона Бонапарта, он до двадцати двух лет безбедно жил во Франции, но после издания закона об изгнании всех претендентов на престол уехал в Италию. Там поступил лейтенантом в уланский полк и вскоре стал капитаном. В 1890 году двадцатилетний Людовик Наполеон Бонапарт переезжает в Россию и поступает в 44-й драгунский Нижегородский полк подполковником. Император Александр III не мог оставить его в Петербурге, чтобы не подумали, что он поддерживает претендента на французский престол. Через год умер отец принца, и Луи вступил во владение замка Пранжен в Швейцарии на берегу Женевского озера. В 1895 году принц стал полковником и командовал 45-м Драгунским Северским полком. В это время с ним и познакомился Павел Комаровский, они были по-

что ровесниками и быстро стали приятелями.

В один прекрасный вечер к Редеру прямо в клинику на Петровке пожаловал сам Луи Бонапарт и своими манерами, и вниманием к еврею-дантисту произвёл такое впечатление на Марка, что тот, хотя и через силу, согласился отдать Эмилию за Павла.

Венчались молодые в церкви русского посольства в Вене, родители невесты на свадьбе не присутствовали, но находились неподалёку в Будапеште. Поселились Павел и Эмилия в родовом имении Городище. В 1898 году жена родила сына, которого назвали Евграфом.

Как и вся обеспеченная молодёжь высшего общества, супруги Комаровские мечтали поехать в заграничное путешествие.

– Эми, я предлагаю посетить Лазурный берег, там, в Ницце, бывает вся российская элита, можно встретить знакомых, приобрести новых друзей, отдохнуть и развлечься, – уговаривал жену Павел.

– Не возражаю, Павлуша.

* * *

Ницца – прекрасное место, центр знаменитого Лазурного берега Франции. Сюда стремились все сколько-нибудь состоятельные люди России. Эмилии в Ницце очень понравилось, она стала ещё свободнее и раскованней. Однажды, сидя

в кафе на набережной и потягивая пиво, Комаровские услышали русскую речь за соседним столиком. Молодая пара что-то бурно обсуждала.

– Я жил в Петербурге и знаю тамошние нравы лучше тебя, – громко выкрикнул мужчина.

Павел не преминул вмешаться, чтобы, как ему казалось, прекратить спор:

– Так вы из Петербурга? – обратился он к незнакомцу.

– Нет, я из Киева, но в столице довелось жить, – ответил мужчина за соседним столиком.

– А я так мечтал побывать в этом чудесном городе, – поддержал разговор Павел.

Вскоре молодые, пересев за столик соседей, вели оживлённый разговор. Они встретились и на следующий день, купались вместе в море, вечером ужинали в ресторане. Подружились и стали с удовольствием проводить время вместе. Комаровскому нравилась Мария, а та стала близкой подругой Эмилии. Молодые женщины доверяли друг другу свои тайны. Мария поделилась тем, что охладела к Василию, с ним в постели скучно, неинтересно, и она с удовольствием находит новые пассии для этой цели.

– А я только со своим Пашей, – делилась с новой подругой Эмилия, – мне с ним хорошо.

– Ах, Эми, ты не знаешь других мужчин, потому тебе не с кем сравнивать, – посвящала её в любовные тайны Мария, – а существует столько способов получения удовольствий и с

мужчиной, и с женщиной.

– Да? – удивлённо спрашивала подругу Эмилия. – Даже с женщиной? Я ничего об этом не знала, нас в семье воспитывали в строгих нравах.

– А меня ещё в институте благородных девиц обучили этому. Так здорово! Как-нибудь попробуем, – таинственно пообещала Мария.

Вскоре Василий получил из Киева телеграмму о необходимости присутствовать при решении коммерческого дела, которым он занимался.

Вечером собрались на прощальный ужин.

– Всё, друзья, завтра уезжаю, – оповестил Василий, – жаль, конечно, расставаться. Мы прекрасно провели время.

– Счастливой дороги, – пожелал Павел, поднимая бокал.

– И вам хорошо вместе провести время, следите, чтобы Маришка не скучала, – шутя попросил Василий.

– Не переживай, – успокоил нового друга Павел, – обязательно постараемся, скучать не будет.

Слова эти оказались пророческими.

– Дамы, я встретил давнего знакомого, мы с ним были когда-то в Орловском губернском попечительском комитете о тюрьмах. Приглашает сегодня на ужин в ресторане, будет много интересных людей, – объявил Павел через несколько дней после отъезда Василия Тарновского. – Идём?

– Я бы лучше посидела с Эми, мы бы поболтали по-своему, по-женски, – предложила Мария, незаметно подмигнув

Эмилиии, – от обилия людей устаёшь, хочется тишины, покоя хоть на один вечер.

– Да, милый, – поддержала Эмилия, – сходи один, там тебе, наверное, будет интересней. Всё – разнообразие, да и прошлое вспомнить.

– Хорошо, – согласился Павел.

Вечером, когда Павел ушёл, женщины закрыли номер на ключ и занялись любовными утехами. Эмилия сначала стеснялась, всё спрашивала Марию, что нужно делать:

– Что, я должна раздеться?

– Обожди, сама тебя раздевать буду. Медленно и постепенно. А для начала поцелуй меня, да не так. Страстно, глубоко, как с Павлом, когда вы уже лежите. Вот так...

Мария наслаждалась Эмилией, особенно когда та переборолла сдержанность и природную стыдливость. Она не торопилась и тем ещё больше возбуждала подругу. Они уже были в самом разгаре, когда внезапно повернулся ключ в замке и в номер вошёл Комаровский. Он был выпивший, но всё равно остолбенел на минуту от того, что увидел. Однако пришёл в себя, проявив находчивость:

– О, как интересно, а почему меня никто не пригласил на это действо?

Эмилия замерла, натянув на себя простынь, а Мария, ничуть не смутившись, весело позвала:

– Вот приглашаем. Присоединяйся.

Долго уговаривать Павла не пришлось, он мгновенно раз-

делся и нырнул в страстные объятия двух женщин.

С этого вечера они проводили время втроём не только в ресторанах и на пляже, но и в постели.

Нельзя сказать, что ни Комаровские, ни тем более Мария Тарновская ранее ничего не слыхали о *ménage à trois*¹⁵, это явление было распространено и раньше. Однако велика разница между тем, что писали и говорили где-то, и тем, что надо делать самим. Первый опыт им понравился, но допустить его в душевные отношения они позволить себе не могли.

Ласки Эмилии доставляли Марии огромное чувственное наслаждение, которого не всегда можно было получить от мужчины, а Павел был очарован графиней, её смелостью, раскованностью, открытостью, которые невозможно было себе представить в среде чопорных дам из высшего общества. И это необыкновенно возбуждало его, как и сама Мария Николаевна, холодная и страстная одновременно.

Всё закончилось с отъездом, как заканчивается во все времена курортный роман. Правда, этот роман был не совсем обычным.

¹⁵ *Ménage à trios* – любовь втроём (фр. – букв *ménage à trois* «хозяйство на троих») – форма [полиамории](#), при которой три человека живут вместе и имеют сексуальные отношения друг с другом. Полиамория – система этических взглядов на любовь, допускающая возможность существования любовных отношений у одного человека с несколькими партнёрами одновременно, с согласия и одобрения всех участников этих отношений.

С тех пор прошло несколько лет. В 1904 году началась русско-японская война, на которую подьесаул Комаровский ушёл добровольцем. Его сопровождала любимая и верная жена. Храбростью и бесстрашием отличался казачий офицер. 26 мая 1904 года под Сюяном подразделение (сотня) яицких казаков столкнулось с 10-й японской дивизией. Павел Евграфович не растерялся:

– Шашки вон! В атаку лавой! За мной! – крикнул он, и казаки врубались в строй японских солдат. Недолго шла рубка, силы были неравны. И тогда Комаровский скомандовал:
– Раненых на седло! Отходим!

В том бою был убит один и ранено семнадцать казаков. Уже при выходе из боя пуля задела и самого Павла. За этот бой и последующие бои казачий офицер был награждён орденами: Святой Анны 3-й степени (с мечами и бантом), Святого Станислава 2-й степени (с мечами) и этим же орденом 3-й степени, а также несколькими медалями. Эмилия находилась рядом с мужем. Как сестра милосердия она в тяжелейших полевых условиях перевязывала и выхаживала раненых воинов. Но в самом конце войны случилось несчастье – Эмилия Марковна Комаровская-Редер заразилась какой-то неизлечимой болезнью, которую позже определяют как даль-

невосточную геморрагическую лихорадку¹⁶.

С каждым днём Эмилия всё более слабела, появилась одутловатость, сосуды стали хрупкими, что грозило кровотечениями. Верный своей жене граф Павел Комаровский по совету профессора привёз её в Венецию, где она могла получить морские и грязевые ванны. Они поселились в фешенебельном отеле «Эксельсиор».

¹⁶ Дальневосточная геморрагическая лихорадка – острая вирусная природно-очаговая болезнь, характеризующаяся лихорадкой, общей интоксикацией, своеобразным поражением почек и развитием тромбогеморрагического синдрома.

Глава пятая. Комаровский – НОВЫЙ ЖЕНИХ

Вечером Эмилия в ресторан «Тропикана» не спустилась, она плохо себя чувствовала. Комаровский, оставив сына на попечение английской гувернантки, приодевшись, направился на встречу. Всё в душе его пело, он встретил женщину, которую уже не ожидал увидеть в своей жизни. Женщину, которая поразила его тогда в Ницце до такой степени, что он не мог забыть её, несмотря на расстояние, тяжесть войны и болезнь жены. С нетерпением ждала встречи и Мария. Павел Евграфович был именно тем мужчиной, которого она искала. За эти годы Тарновская приобрела опыт, сделала решительные шаги, приведшие к тому, что ей уже нельзя было возвратиться назад, в прошлую жизнь. Она вступила на путь, который вёл к неминуемой развязке.

– Как я рад вас снова видеть, – с чувством проговорил Павел, припадая к протянутой женской руке.

– Я тоже рада нашей встрече, видимо, судьба милостива к нам, – отвечала Мария, смотря на мужчину глубоким призывным взглядом, как это умела делать в совершенстве лишь она.

Они взяли столик на террасе с видом на темнеющее море.

– Шампанского?

– О, да! И немного абсента, если возможно.

– Я помню этот ваш любимый напиток ещё с тех пор, когда...

– Да, – прервала его Тарновская, – то было прекрасное время молодости, всё было впереди, жизнь казалась такою безоблачной. Ещё не случилось войны, ран душевных, болезней...

Принесли шампанское, абсент и великолепные закуски.

– Предлагаю выпить за тот чудесный день, когда мы познакомились!

– Пусть те воспоминания поддерживают нас и сегодня, – дополнила тост Мария.

– Расскажите, как вы жили это время, – попросил Комаровский, когда уже несколько бокалов было опустошено, – что с супругом?

– К сожалению, с Василием нам пришлось расстаться, он отчаянно ревновал к случайному поклоннику. Вы знаете, женщине всегда приятно, когда на неё обращают внимание мужчины, я считаю, что муж должен гордиться тем, что его жена такая красивая и привлекательная. Но эта ревность, это дикое право собственности, распространяющееся на свободное, мыслящее, хотящее существо, эти домостроевские взгляды убивали меня. Сколько ни пыталась я примирить двух мужчин, но Василий был непреклонен. В конце концов, увидев, как поклонник целует мне руку, он выхватил револьвер и застрелил его.

– Ах, боже мой! – воскликнул Павел. – Ну разве можно

доводить свою ревность до убийства в наше время?

– Видимо, на некоторых мужчин это так действует, – плела свой рассказ Тарновская, искусно совмещая правду с ложью, отчего последняя казалась ещё более правдоподобной. – Потом суд и позор на весь Киев, процесс развода затягивается, и я сегодня не жена и не свободная женщина. Тяжёлая неопределённость. Но самое страшное, что рядом со мною нет мужчины, которому могла бы преклонить на плечо голову, поделиться горем, который бы понял меня и пожалел. Если б вы знали, как я мечтаю найти такого мужчину-друга, мужчину-рыцаря, похожего на вас. Эх, жаль, что вы не свободны.

Павел смотрел на сидящую напротив его женщину влюблёнными глазами. Разве можно устоять, когда божественная дама, которая тебе давно нравится, вдруг признаётся, что хотела бы быть с тобой?

– Давайте выпьем за то, что вы сейчас произнесли, это вселяет в меня надежду и радость.

Вино уже шумело в головах, и каждый следующий бокал прибавлял раскованности и смелости мужчине и женщине.

– А как складывалась жизнь у вас, Павел Евграфович?

– Что сказать? Вот уже который год Эмилия болеет и с каждым днём чувствует себя всё хуже. Никакой нормальной супружеской жизни нет и, наверное, уже не будет. Я и не чувствую себя мужчиной.

– Но ведь раньше у вас всё складывалось прекрасно?

– Поначалу да, я любил её страстно. Она казалась мне совершенной. Но когда мы стали жить вместе, моя мать не приняла её, не сошлись характерами, да и сёстры мои её игнорировали. Я всегда защищал Эмилию, что окончилось ссорой и разрывом с родственниками. Всё-таки прав был её отец, Марк Редер, вероисповедание должно быть единым у мужа и жены.

– Да, это правильно, – мудро подтвердила Мария, – давайте выпьем за супругов, ведь были и в нашей жизни счастливые минуты с ними.

– Мария, – обратился к спутнице Павел, после того как бокалы были опорожнены, – вот мне уже далеко за сорок, а жизни, по-настоящему яркой, как будто и не было. Я всегда с восторгом вспоминал, как мы совместно с вами и Эми проводили время в Ницце. Вы нравитесь мне с тех самых пор, однако я не могу ухаживать за вами, зная, что в номере страдает от боли моя супруга, это было бы бестактно. Но если, упаси боже, конечно, я овдовею, могу ли рассчитывать на взаимность с вашей стороны?

Вместо ответа Мария встала и, слегка покачнувшись, взяла Павла Евграфовича под руку:

– Сопроводите меня, граф.

Когда они выходили, Тарновская кивнула прислуге, которая была вышколена так, что с полуслова понимала желания клиентов. Через минуту ей поднесли ключ от одного из номеров, рассчитанных на свидание мужчины и женщины.

Давно уже Комаровский не был с женщиной и даже сомневался, сможет ли. Но Мария проявила всё своё искусство в умении заводить мужчину, прекрасно зная, что под её нежными и настойчивыми руками, жаркими и страстными губами и мёртвый захочет...

Через пару часов Павел Евграфович Комаровский вернулся к законной супруге, но судьба его была уже решена. А Мария Николаевна, приняв душ и приведя себя в порядок, вышла на вечерний моцион с Прилуковым, дабы обдумать план дальнейших шагов.

* * *

– Ну что, Донатик, пораскинь-ка своим адвокатским умишком да приложи опыт боевых сражений в суде, чтобы нам наметить успешную операцию, – посвящала Мария в свои дела Прилукова.

Опасаться его теперь у неё не было ни малейшего основания, куда он без неё денется. Наоборот, теперь они оба в одной лодке, и если в судне образуется течь, и оно пойдёт ко дну, то тонуть им придётся вместе.

– Не раскроете ли вы мне все карты, Мария Николаевна? – смело попросил он, также понимая своё положение.

– Вот слушай, расклад такой: есть богатый влюблённый в меня Комаровский, есть его жена Эмилия – серьёзно больная, которая может умереть быстро, а может протянуть ещё

несколько лет. У них десятилетний сын. Что мы можем в этом случае предпринять, чтобы деньги богатого глупца оказались у нас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.